

« » . .

Marianne Krüger-Potratz; Götz Hillig

Krüger-Potratz Marianne, Hillig Götz, . « » . . . In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 29 N°2. Avril-Juin 1988. pp. 209-241.

[Voir l'article en ligne](#)

Götz Hillig, Marianne Krüger-Potratz, La « deuxième naissance » d'A.S. Makarenko.

Makarenko est célèbre dans le monde entier comme éducateur soviétique. Son Poème pédagogique est certainement un des livres sur l'éducation le plus lu. Mais on connaît moins bien le contexte historique de ses expériences pédagogiques des années 20 et de ses écrits des années 30 et on ignore à peu près tout de l'histoire de la réception de son œuvre dans le domaine de l'éducation. Lorsque Makarenko meurt en 1939, on pleure la disparition d'un homme de lettres. A cette époque, la pédagogie se présentait comme une « pédagogie sans pédagogues ». L'édition de 1940 du Manuel d'éducation ne se réfère qu'à deux pédagogues : Lenin et Stalin. Comment Galina Stahievna Makarenko, ainsi que les anciens collègues de Makarenko et ses amis ont réussi à « restituer » son œuvre à la pédagogie, tel est le sujet du présent article.

Avertissement

L'éditeur du site « PERSEE » – le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation – détient la propriété intellectuelle et les droits d'exploitation. A ce titre il est titulaire des droits d'auteur et du droit sui generis du producteur de bases de données sur ce site conformément à la loi n°98-536 du 1er juillet 1998 relative aux bases de données.

Les œuvres reproduites sur le site « PERSEE » sont protégées par les dispositions générales du Code de la propriété intellectuelle.

Droits et devoirs des utilisateurs

Pour un usage strictement privé, la simple reproduction du contenu de ce site est libre.

Pour un usage scientifique ou pédagogique, à des fins de recherches, d'enseignement ou de communication excluant toute exploitation commerciale, la reproduction et la communication au public du contenu de ce site sont autorisées, sous réserve que celles-ci servent d'illustration, ne soient pas substantielles et ne soient pas expressément limitées (plans ou photographies). La mention Le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation sur chaque reproduction tirée du site est obligatoire ainsi que le nom de la revue et- lorsqu'ils sont indiqués - le nom de l'auteur et la référence du document reproduit.

Toute autre reproduction ou communication au public, intégrale ou substantielle du contenu de ce site, par quelque procédé que ce soit, de l'éditeur original de l'œuvre, de l'auteur et de ses ayants droit.

La reproduction et l'exploitation des photographies et des plans, y compris à des fins commerciales, doivent être autorisés par l'éditeur du site, Le Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche, Direction de l'enseignement supérieur, Sous-direction des bibliothèques et de la documentation (voir <http://www.sup.adc.education.fr/bib/>). La source et les crédits devront toujours être mentionnés.

CHRONIQUE

ГЕТЦ ХИЛЛИГ МАРИАННЕ КРЮГЕР-ПОТРАТЦ

« ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ » А. С. МАКАРЕНКО

Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога*

(1939 – 1941 гг.)

« ... it only took two or three years for Makarenko's works to win in Soviet pedagogical science the recognition which they had instantly won in Soviet literature. »

(*Moscow News*, April 10, 1941)

ПИСАТЕЛЬ МАКАРЕНКО УМЕР !

Первого апреля 1939 года из газеты *Вечерняя Москва* москвичи узнали, что писатель А. С. Макаренко, недавно награжденный орденом Трудового красного знамени за заслуги в развитии советской литературы, умер в возрасте 51 года по дороге домой, возвращаясь из дома отдыха Союза советских писателей (ССП). Причина смерти – внезапная остановка сердца. Второго апреля – в этот день гроб с телом Макаренко был установлен в конференц-зале ССП – центральные газеты *Правда*, *Известия*, *Комсомольская правда* публикуют некролог, подписанный президиумом ССП. Со свойственным тому времени пафосом там сказано, что Макаренко был « автором одного из наиболее замечательных, вдохновенных литературных памятников нашего времени », что его *Педагогическая поэма*, написанная им « кровью своего сердца, прекрасного сердца патриота, борца, педагога-художника », « принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества »¹. В лице Макаренко, который был « непартийным большевиком » и до конца своей жизни « соединял художественную работу с педагогической », умер « передовик, новатор, подлинный революционер и в той, и в другой области ». А. С. Макаренко являлся представителем « нового типа писателя – писателя социалистической эпохи », так как литература была для него « практической работой по формированию новой личности ».

* A l'occasion du centième anniversaire de Makarenko.

Этот некролог, который был на следующий день без комментариев перепечатан на последней странице *Учительской газеты* — органа Народных комиссариатов просвещения и профсоюзов учителей всех союзных республик — заканчивался торжественным аккордом: А. С. Макаренко — « один из наиболее достойных представителей советской социалистической литературы ».

Четвертого апреля — на этот день было назначено партийное собрание московской организации ССП, где должен был быть решен вопрос о приеме Макаренко в ВКП (б)² — происходят похороны Макаренко на Новодевичьем кладбище. До этого состоялся траурный митинг, на котором выступили два писателя — В. Финк (друг А. С. Макаренко) и Л. Соболев (представитель ССП), а также двое бывших воспитанников Макаренко — А. Тубин и Е. Ройтенберг. Они, а также известные писатели В. Вишневский и А. Фадеев (в то время секретарь президиума ССП) несли потом гроб с телом Макаренко³. У могилы с короткой речью выступает — после В. Финка и писательницы А. Караваевой — еще один воспитанник Макаренко — С. Калабалин, который « от имени тысяч товарищей » прощается с их « отцом »⁴.

На следующий день еженедельное издание ССП *Литературная газета* обе первые страницы номера почти полностью посвящает Макаренко⁵. Со времени смерти Горького в 1936 году никогда так много не писали ни об одном умершем советском писателе. В передовой *Литгазеты* Макаренко называют представителем новой, советской интеллигенции, которую отличает дух новаторства, способность к творческому поиску и борьбе. Так же, как академик Т. Д. Лысенко « опрокинул старые нормы науки, указал путь вперед », так и Макаренко « обогатил советскую литературу новыми темами, новыми нравственными идеалами », « опрокинул старые нормы педагогики, революционизировал ее »⁶.

Тогда же, пятого апреля, организационная комиссия ССП под председательством А. Фадеева решает создать « комиссию по увековечению памяти А. С. Макаренко », задачей которой являются сохранение и распространение литературного наследия Макаренко. Кроме писателей В. Финка (председатель комиссии), В. Ермилова, В. Вишневского и редактора « Гослитиздата » Ю. Лукина в комиссию вошли и двое бывших воспитанников Макаренко — А. Тубин и В. Камардинов, а также вдова писателя Галина Стахивна Макаренко (секретарь комиссии). Позже в состав комиссии были введены еще несколько человек — также из узкого круга близких Макаренко людей: С. Калабалин, психолог В. Колбановский, заведующий секцией диамата Института философии АН СССР, писатель А. Бобунов и литературный критик Н. Четунова⁷.

Свою работу комиссия начала с разработки плана двух изданий. Первое — это было предложение оргкомиссии ССП — сборник воспоминаний бывших воспитанников Макаренко о нем, второе — авторитетное собрание сочинений Макаренко. Но если до декабря 1940 г. « Гослитиздатом » был предусмотрен выпуск полного собрания сочинений, то с февраля 1941 г. речь идет — и это отражает изменившуюся уже к тому времени оценку Макаренко — только об « избранном » в « Учпедгизе »⁸. Ни один из этих проектов в такой форме не был осуществлен — очевидно, из-за вторжения немецкой армии на территорию СССР в июне 1941 г.

Вслед за этим в течение последующих недель и месяцев появляются и другие некрологи и статьи, отдающие должное Макаренку, но — за единственным исключением⁹ — лишь в литературной и общественно-политической периодике¹⁰: умер Макаренко-писатель. Его заслуги отмечает литературная общественность, о его наследии заботится Союз писателей¹¹.

А педагогическая общественность и ее печатные органы молчат.

Когда в конце 1939 — начале 1940 г.г. — на основании соответствующих решений XVIII съезда ВКП (б) и X пленума ВЛКСМ « о задачах коммунистического воспитания трудящихся » — педагогическая пресса широко дискутировала проблемы укрепления дисциплины в школе и воспитания детей в семье (а это — вопросы, по которым Макаренко начиная с 1941 г. станет непререкаемым авторитетом), ни личность Макаренко, ни его педагогический опыт не играли в то время никакой роли¹². Даже в серии статей *Учительской газеты* на тему « Создадим книгу для родителей ! » нет ни малейшего упоминания о вышедшей в 1937 г. книге Макаренко с таким названием¹³. Представители советской педагогики не видели тогда (все еще !) — по крайней мере, в своих официальных выступлениях — причины для того, чтобы поближе познакомиться с наследием Макаренко.

Единственное упоминание его имени — в статье о наказаниях в школе, опубликованной в августовско-сентябрьском номере центрального теоретического журнала *Советская педагогика* — и то не обошлось без ошибки: автор пишет о Макаренко, как если бы тот был еще жив (т. — товарищ — Макаренко). При этом автор с облегчением констатирует, что Макаренко со своими ложными представлениями о системе школьной дисциплины, которые он изложил в органе ЦК ВКП (б) *Правда* в 1938 г., остался в меньшинстве¹⁴: Педагог-Макаренко, его творчество, его смерть остались без внимания.

ГОД СПУСТЯ: ОРГАНИЗУЕТСЯ ДИСКУССИЯ О ПЕДАГОГЕ МАКАРЕНКО

Первая годовщина со дня смерти Макаренко также отмечается лишь литературной общественностью. В московском клубе писателей 1 апреля 1940 г. устраивается вечер памяти А. С. Макаренко, на котором выступают В. Финк, Ю. Лукин, А. Караваева и В. Колбановский, а также бывшие воспитанники и товарищи Макаренко по работе¹⁵.

Правда, за две недели до того кругу друзей Макаренко, который сплотился теперь вокруг его вдовы Галины Стахиевны, впервые удалось сделать объектом начавшейся дискуссии взгляды педагога на воспитательную работу в школе и семье. Показательно, что сделано это было не через педагогическую, а через партийную прессу, что можно объяснить не в последнюю очередь хорошими отношениями « макаренковской комиссии » ССП с партийным руководством¹⁶.

17 марта 1940 г. *Правда* публикует — под заголовком « Неиспользованное наследство » — статью М. Кропачевой, заслуженной учительницы РСФСР из Ленинграда. В ней она называет « ошибочным и вредным » « глубоко укоренившееся мнение, что методы Макаренко применимы исключительно к закрытым детским учреждениям ». Автор выступает за широкое применение опыта Макаренко в школе и семье¹⁷.

В другом материале, который *Правда* печатает 26 марта, автор — И. Вислов, зав. областным отделом народного образования г. Рязани — называет педагогическое наследство педагога и писателя А. С. Макаренко «замечательным достижением советской педагогики». Он рассказывает также о том, что попытки спонтанного применения методов Макаренко в школе уже дали хорошие результаты.

Эта статья, на которую макаренковеды до сих пор не обратили никакого внимания, заканчивается категорическим резюме :

« Мы не имеем права игнорировать успехи, достигнутые замечательным педагогом Макаренко, и тратить время на поиски уже найденных им методов коммунистического воспитания. Наркомпросы должны приковать внимание теоретиков педагогики к изучению педагогического наследства писателя, использовать все ценное в этом наследстве, чтобы двигать советскую педагогическую науку вперед. »¹⁸

В передовой статье *Правды* от 29 марта о воспитательных задачах семьи и школы можно обнаружить те же ссылки на опыт Макаренко, которые содержались в статьях Кропачевой и Вислова. И теперь — благодаря авторитету *Правды* — они звучали уже почти как требование ко всем. « Весь секрет его успеха именно в том и заключался, — говорится в передовой, — что он сплотил действенный коллектив, который задавал в колонии тон, влиял на самых неисправимых, приучал их к дисциплине, воспитывал волю. Опыт этот (разумеется, не механически) могут использовать с успехом наши школы. »¹⁹ В этом высказывании отразился первый « лейтмотив » восприятия системы Макаренко на начальном этапе усвоения его наследия.

Вскоре свое мнение по поводу статьи Кропачевой высказывает уже упоминавшийся ранее С. Калабалин, любимый воспитанник А. С. Макаренко из колонии им. Горького, ставший сам к этому времени руководителем одного из детских домов под Москвой. « По стопам своего учителя » — так называется его статья, опубликованная в *Правде* 16 апреля. Калабалин подробно рассказывает в ней о том, как он сам применял опыт Макаренко в своей более чем 10-летней педагогической практике. И все это время начальство в органах народного образования — несмотря на конкретные успехи — упрекало его в одном и том же : « Вы макаренковщину насаждаете, вы командирскую систему заводите, порочную систему ». И это при том общеизвестном факте, — пишет Калабалин, — что существующая в советских детских домах система воспитания « способна растить только иждивенцев и бездельников ». Причина такого печального положения дел, по его мнению, — царящие до сих пор « в нашей педагогической науке беспорядок и неопределенность »²⁰.

Эта короткая, но важная с политической точки зрения « прелюдия » в газете *Правда* не могла не оказать влияния на педагогическую общественность и ее прессу. Всего день спустя после публикации статьи Калабалина в *Правде* свою первую статью о Макаренко публикует *Учительская газета* — « Замечательное педагогическое наследство ». Ее автор — Е. Ройтенберг, студент ленинградского пединститута, который в апреле 1939 г. выступал с речью на похоронах Макаренко. Ройтенберг, бывший воспитанник коммуны

им. Дзержинского, живо рассказывает о насыщенной и интересной жизни в ней, выделяет в качестве самого существенного признака педагогической практики Макаренко « его блестящее мастерство индивидуального подхода к каждому воспитаннику ». Свою статью он заканчивает призывом-требованием : « Мудрые педагогические идеи А. С. Макаренко должны стать для советских педагогов живым орудием коммунистического воспитания молодого поколения. »²¹

Уже через неделю это требование повторяется в передовой *Учительской газеты*. Указывая на порочную практику, когда школьника из-за одного-единственного проступка объявляют « трудным », « неисправимым », газета пишет : « Вся деятельность выдающегося советского педагога и писателя А. С. Макаренко была примером умения находить и развивать в действительно трудных и педагогически запущенных детях лучшие человеческие качества. »²²

19 апреля 1940 г. состоялась первая встреча педагогов, посвященная памяти Макаренко (примечательно, что она была организована дефектологами) — совместное совещание Научно-практического института специальных школ и детских домов в НКП РСФСР, которым руководил И. И. Данюшевский, и Московского государственного педагогического дефектологического института. С основным докладом на совещании выступил В. И. Куфаев, известный специалист в области ресоциализации беспризорников. Он уже выступал в октябре 1938 г. в дискуссии по докладу Макаренко в Научно-практическом институте. Куфаев подчеркивает « новаторство » Макаренко в деле воспитания детей с помощью коллектива и отмечает тесную связь его методов с традициями классиков педагогики — « как отечественной, так и иностранной ». Это — второй « лейтмотив » в восприятии наследия Макаренко в те годы.

Макаренко создал, продолжает Куфаев, на основе своих практических и теоретических разработок целый ряд бесспорных положений, которые стоит применить в современной педагогической практике :

« И чем смелее и скорее школа и воспитательные учреждения (разумеется, не механически) будут организовывать коллектив, воспитывать в детях дисциплину, ответственность, дружбу, товарищество между детьми, и чем скорее педагоги научат детей всю работу в школе и вне ее связывать с коллективными интересами, как это делал А. С. Макаренко, тем успешнее мы разрешим важнейшие задачи коммунистического воспитания. »²³

Также и В. Колбановский вполне определенно ссылается в своей статье « Новатор социалистической педагогики », которая была напечатана в ежемесячнике Союза писателей *Красная новь*, на те же публикации *Правды*. В статье Колбановского можно обнаружить еще один « лейтмотив » тогдашнего восприятия Макаренко : он противопоставляет педагогов-« теоретиков » педагогам-« практикам », обвиняя первых в том, что они сознательно препятствуют претворению педагогических принципов Макаренко в жизнь школы. В то время как « лучшие люди советской школы сделали идеи Макаренко руководством для своей сложной, трудной и благородной работы », те « люди, коим доверена теоретическая педагогическая мысль, по-

прежнему отказываются признать Макаренко-педагога ». В качестве примера Колбановский приводит « вышедший недавно учебник педагогики для пединститутов », в котором « такое огромное явление в педагогике, как Антон Семенович Макаренко », не упомянуто ни единым словом. Это, считает Колбановский, нужно расценивать не просто как « небрежность », а как « преступление »²⁴.

Однако Колбановский умалчивает о том, что подобным образом обошлись не с одним лишь Макаренко. С середины 30-х г.г., т.е. после официального « отлучения » от советской науки определенных научных направлений декретами 1931 и 1936 г.г.²⁵, из учебников по педагогике, а также из соответствующих статей постепенно « исчезают » имена ведущих в 20-е г.г. педагогов и партийных работников, связанных с этой областью. В учебниках 1939 и 1940 г.г.²⁶ советская педагогическая наука предстает « педагогикой без педагогов ». В результате развитие ее (начиная с 1917 года) зависело лишь от партии и ее вождей. Так что история советской педагогики и школы сводилась к набору высказываний Ленина и Сталина по различным проблемам образования и воспитания, а также цитат из партийных и правительственных постановлений.

Однако различие между неугодными педагогами и Макаренко существовало : в числе тех, чьи имена прямо или косвенно « вычеркивались » из истории советской педагогики декретами 1931 и 1936 г.г., были люди, признанные не только в СССР, но и за границей — Луначарский, Блонский, Шацкий, Пинкевич, Калашников, Пистрак, Крупенина, Шульгин и, не в последнюю очередь, Крупская. Это лишь самые известные имена, имя же Макаренко было знакомо сравнительно небольшому кругу, да и то его знали скорее как писателя и оратора, правда, разбивавшегося в вопросах педагогики.

Об этом свидетельствует небольшой эпизод, рассказанный учительницей Е. Е. Смирновой на Второй всероссийской научно-педагогической конференции в конце июня 1940 г. : три месяца назад, — как вспоминает Смирнова, — она выступала на Московской областной педагогической конференции с докладом о методах Макаренко :

« Во время перерыва к ней подошел один уже немолодой учитель и спросил :

- Скажите, кто такой этот Макаревич, о котором вы говорили ?
- Макаренко, — поправила она. — Это — автор *Педагогической поэмы*.
- Ах, так это поэт... »²⁷

Однако даже в ближайшем будущем ничего подобного произойти уже не могло : седьмого и девятого июня 1940 года *Учительская газета* на целых двух страницах публикует статью Н. Лялина, доцента педагогики Ленинградского университета, « О педагогическом наследстве А. С. Макаренко » и тем самым открывает « широкую дискуссию по вопросам воспитания, в частности, по вопросу о возможности использования в условиях советской школы педагогического наследства А. С. Макаренко »²⁸.

ДИСКУССИЯ В УЧИТЕЛЬСКОЙ ГАЗЕТЕ ЛЕТОМ 1940 ГОДА

Можно исходить из того, что Н. Лялин, который к моменту написания статьи уже собирался работать над кандидатской диссертацией о Макаренко, поддерживал связь с вдовой Макаренко Галиной Стахивной и поэтому имел доступ к неопубликованным текстам педагога²⁹. Отсюда можно предположить, что инициатива публикации в *Учительской газете* исходила скорее не от него самого, а из Москвы³⁰. Но во всяком случае эта дискуссия в *Учительской газете* — несмотря на то обстоятельство, что авторы некоторых материалов не занимались Макаренко эксплицитно — значительно способствовала пропагандированию Макаренко и его педагогических идей, подготовивших тогда постановку многих актуальных проблем.

В ходе двухмесячной дискуссии, которая закончилась 11 августа 1940 г. итоговой редакционной статьей «Проблемы воспитания в советской школе»³¹, *Учительская газета* получила около 400 статей, отзывов и писем из различных областей страны³². Из этого числа редакция перепечатала 39 в 18 выпусках газеты, остальные были использованы в шести обзорах читательской почты³³.

Большая часть этих материалов, во многом сильно друг от друга отличающихся, принадлежат «практикам» (учителям, директорам школ, членам родительских активов), которые выступают за немедленное улучшение неблагополучной — а по мнению некоторых авторов, катастрофической — ситуации в советской школе. Другие участники дискуссии — наряду с С. Калабаиным и Е. Ураловой, Народным комиссаром просвещения Белорусской ССР, — «теоретики педагогики», т.е. профессора, научные сотрудники различных учебных и научно-исследовательских институтов. Среди них такие известные имена, как С. Н. Белорусов, И. А. Каиров, Л. Е. Раскин, С. М. Ривес, П. М. Шимбирев, Н. М. Шульман, которые в последующие месяцы и годы будут играть заметную роль в усвоении педагогического опыта Макаренко, а также И. Ф. Козлов — автор первой диссертации о Макаренко, защищенной им уже в 1941 году³⁴.

Статья Лялина, открывшая дискуссию, в большой степени определила дух и тон ее, объем затронутых вопросов, сгруппированных автором вокруг трех тем: 1) Макаренко-писатель и педагог; 2) Макаренко-хранитель лучших отечественных и зарубежных педагогических традиций; 3) основные черты современного восприятия Макаренко. При этом здесь постоянно звучат все три вышеупомянутых «лейтмотива», характерных для первоначального восприятия Макаренко.

Лялин в своей статье преследует две линии. Во-первых, он критикует сложившийся в педагогических кругах подход к наследию Макаренко: полное замалчивание его имени или искажение представления о нем как о педагоге и открытое неприятие системы. Это нельзя «извинить» ни тем, что на Макаренко смотрели скорее как на писателя, ни тем более ссылками на его слишком узкое, специальное, поле деятельности, имевшее место лишь в колонии и коммуне. Макаренко — считает Лялин, следуя утверждениям в статьях *Правды*, — ни в коем случае не был только писателем, он был прежде всего педагогом. Значение практической и методологической работы

этого педагога — хотя и не оставившего подробно разработанной теории коммунистического воспитания — выходит далеко за пределы специальной области, а именно колонии беспризорных, в которой он работал. Хотя как раз писательский талант давал Макаренко, как верно отмечал Горький, « дополнительные силы для того, чтобы не потонуть в топком болоте 'словесной' педагогики, критически разобраться в ее киселе-образных установках и встать на собственные ноги ».

Во-вторых, Лялин старается представить Макаренко единственным советским педагогом, который — скромно оставаясь в тени и не подпадая под влияние всякого рода « мод » и « отклонений », жертвами которых стали в 20-30 г.г. многие советские педагоги, — разработал свою собственную педагогическую концепцию. Сделал он это на основе не только собственного богатого и разностороннего опыта, но и лучших традиций зарубежной и отечественной (русской и советской) педагогики, начиная с Песталоцци, Ушинского и кончая Лениным и Сталиным. К Макаренко можно целиком отнести сталинскую характеристику истинных ученых, которые, « понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций ».

И теперь оказалось, что Макаренко всегда был представителем « правильной линии » в педагогике — несмотря на все нападки « псевдоученых », « апологетов теории отмирания школы », « педологов », которые в 20-30 г.г. определяли лицо советской педагогики. В то же время стало очевидным, почему при жизни Макаренко был почти неизвестен педагогам: его имя замалчивали именно потому, что он следовал « правильной линии ». Этот механизм, вероятно, срабатывает и сегодня, — считает Лялин. Ведь тот факт, что теоретики педагогики по-прежнему не хотят видеть заслуг Макаренко перед наукой (это превентивное обвинение против всех потенциальных критиков Макаренко) возможно, имеет причиной и следующее: несмотря на то, что уже давно со всех этих взглядов сорвана личина научности и они призваны « антисоветскими », все еще имеются их тайные приверженцы — в учебных и научно-исследовательских институтах, учреждениях системы народного образования, а также в определенных педагогических редакциях и издательствах. Особенно это относится к журналу *Советская педагогика* и издательству « Учпедгиз ». И разве, — спрашивает Лялин, — не является безнадёжная ситуация, сложившаяся во многих школах, семьях, следствием того, что вредное влияние такого рода « псевдоученых » еще не преодолено ?

Такой пристрастный, а, вернее, фальсифицированный взгляд на вещи, полностью соответствовавший тогдашнему образцу ведения дискуссий, преследовал две цели: во-первых, Макаренко тем самым был огражден сразу от всех обвинений в « педагогических грехах », разоблаченных декретами 1931 и 1936 г.г. А без этого ни один человек, занимавшийся педагогической — научной или практической — деятельностью в 20-30 г.г., не мог стать предметом общественной дискуссии. Во-вторых, таким образом была « очищена » история советской педагогики, с характерными для нее дискуссиями и борьбой в области народного образования и педагогики. В ней не остается — после операции Лялина — ничего, что не было бы также представлено и Макаренко. Он становится « путеводной звездой », педагогом-идеалом, который не только критикует ложные позиции, но и предлагает свою кон-

цепцию, которая применима в важнейших областях педагогической науки и может быть эффективно использована в практической работе.

После этого Лялин делает следующий — третий — шаг и переходит к выявлению основных черт педагогической концепции Макаренко — имея при этом в виду ее актуальность, необходимость и реальность в тогдашних условиях. Для начала он выделяет в этой концепции три, как он их называет, « в педагогике исстари пропагандированных, совершенно правильных закона », которые для советской педагогической теории были заново оценены и развиты Макаренко. Вот эти три закона : педагог должен любить детей, окружать их заботой и вниманием ; в процессе воспитания и образования следует учитывать интересы и запросы детей ; и, наконец, педагогу необходимо считаться с силами детей.

Правда, эти законы, допускает Лялин, признавали все советские педагоги, однако в прошлом их неправильно толковали. Так, требование к педагогу любить детей, быть к ним внимательным привело к излишней мягкости, самоуспокоенности, безответственности в педагогическом процессе. Педагоги слишком далеко зашли, следуя другому требованию — учитывать интересы и запросы детей. В результате делались уступки смене настроений ребенка, внезапным увлечениям и т.п. Тем самым учет детских интересов стал « фетишем ». Наконец, само по себе справедливое и верное требование учитывать силы и возраст детей, не давая им заведомо невыполнимых заданий привело бы к крайности — бездумному обереганию ребенка, что в результате препятствует воспитанию в детях чувства самостоятельности, независимости, сковывает их инициативу.

Макаренко же, напротив, всегда исходил из того, что и к ребенку — если его любишь и относишься к нему серьезно — постоянно нужно предъявлять требования ; что требовать должен прежде всего коллектив и что он должен настаивать на выполнении этих требований — независимо от того, хочет ли сейчас этого ребенок или нет. Только так можно избежать в воспитании детей безволяности, безответственности, самодовольства. Макаренко так же боролся и с фетишизацией детских интересов и потребностей, противопоставляя им в качестве единственной разумной альтернативы чувство долга — опять же, прежде всего, долга перед коллективом : дети должны научиться выполнять также и тяжелые, скучные для них задания. Это требование неукоснительно соблюдалось в руководимых Макаренко колониях.

Лялин заканчивает свой очерк, выделив некоторые « основополагающие элементы » педагогической концепции Макаренко, которые отвечают « в педагогике исстари пропагандированным законам ». Это те элементы, которые можно определить уже сейчас, несмотря на то, что творчество Макаренко изучено еще недостаточно. К этим элементам Лялин относит как более или менее общепризнанные, например, коллектив « как основной и решающий фактор воспитания », вовлечение детей в самообслуживание, в общественно-производительный труд или же соединение воспитательного и учебного процесса с конкретными условиями и т.п., так и те элементы, за которые Макаренко постоянно критиковали. Например, наказания — и прежде всего телесные, роль и значение школы или же положение учителя в педагогическом коллективе. При этом указание Лялина на недостаточное знание педагогического наследия Макаренко выполняет, очевидно, двойную задачу. Во-

первых, Лялин показывает, что здесь не использовано еще « большое богатство » ; во-вторых, он намекает на то, что критикам Макаренко следовало бы помалкивать, т.к. его труды в определенной степени их опровергают.

Статью Лялина нельзя назвать даже в малой степени удачным толкованием концепции Макаренко, не говоря уже об объективном изложении причин ее (не-)восприятия. Это скорее ловкая предварительная « обработка » Макаренко, чтобы « подать » его на стол педагогической дискуссии, которая считалась возможной и необходимой ко времени публикации этой статьи.

Соответственно выглядели и последовавшие за статьей дебаты в *Учительской газете* : « за » или « против » Макаренко означало « за » или « против » требований, связанных с его именем — ввести более строгую дисциплину в школах, больше спрашивать с учеников, упрочить положение учителя, руководителя. Несмотря на различия в деталях, все дискуссионные материалы газеты можно объединить в несколько групп.

Для авторов первой группы материалов статья Лялина — долгожданный повод изложить свои собственные представления о дисциплине и порядке, значении труда в процессе воспитания, о роли пионерской или комсомольской организации в школе. И почти все авторы выступают при этом за введение более строгой дисциплины в школе, за принятие более решительных мер в наведении порядка³⁵. Этим авторам имя Макаренко служило лишь поводом, удобным случаем высказать свое мнение.

Того же сорта аргументацию — правда, с настойчивыми ссылками на авторитет Макаренко и его педагогические представления — можно обнаружить и в многочисленных публикациях другой группы, авторами которых были — как и в первом случае — преимущественно директора школ и учителя. Эти « практики » видели в лице Макаренко « соратника в борьбе за дисциплину, порядок, за высокую успеваемость, за воспитание полноценного человека »³⁶. Но в вопросе о том, как достичь полного претворения в жизнь макаренковских принципов, мнения участников дискуссии — если они вообще высказывали их — сильно расходятся. Общим для них является лишь уже известное из *Правды* предостережение не переносить механически на школу систему Макаренко. Интересно, что это именно тот упрек, который « теоретики » педагогики и органы народного образования в ходе этих и будущих дебатов будут снова и снова предъявлять « практикам »³⁷.

В то время как одни, требуя « больше дисциплины », выступают за более решительные меры воздействия, такие, как наказания, или за введение элементов военизации в жизнь школы³⁸, другие делают ставку на талант и личность учителя или директора школы, их образцовую работу в хорошо организованной школе, которая, как пишет преподаватель И. Вугман, должна походить на « огромный симфонический оркестр, где директор — дирижер, учителя — концертмейстеры, учащиеся — музыканты. И так же, как успех оркестра определяется талантом дирижера, работа школы зависит, прежде всего, от ее руководителя — директора. »³⁹

В целом и эта группа участников дискуссии о личности и наследии Макаренко не предлагает решений даже частных проблем в освоении и дальнейшем развитии его концепции в школе и, поскольку об этом тоже шла речь, в семье. В принципе, и для них Макаренко — лишь предлог для того, чтобы —

формально отталкиваясь от его отдельных положений — изложить на бумаге свои проблемы и собственные проекты.

Особенно интересна, в рамках этой общей дискуссии, небольшая дискуссия, которую вызвала статья учителя В. Спасского « Против принуждения »⁴⁰. Спасский — единственный « практик » (не считая В. Сувойчика, который лишь месяц спустя принял участие в дебатах и, вероятно, именно поэтому вышел « сухим из воды »), ведущий решительно и со всей определенностью борьбу с тем, что Лялин « принимает теорию тов. Макаренко как абсолютно правильную, а то, что не сходится с ней в практике нашей школы, отвергает и третирует как мелкобуржуазное искажение ». Тем самым опыт всех школ подменяется « малым субъективным опытом » — пусть даже это опыт такого « талантливого педагога ». В создании общей педагогической теории такие действия могут принести лишь вред⁴¹.

Это усугубляется тем, что интерпретация Лялиным макаренковской системы — особенно это касается трех « законов » — утрирована, если вообще не ложна. Лялин, по мнению Спасского, конструирует не выдерживающие критики альтернативы, такие, например, как гуманное отношение к ребенку и строгость ; его интерпретация никак не отвечает гораздо тоньше дифференцированной аргументации Макаренко.

Статья Спасского вызвала у сторонников введения более строгой дисциплины резко отрицательную реакцию. Один из оппонентов Спасского называет его доводы « гуманным сюсюканьем »⁴², другой упрекает его в « маниловской педагогике » и в том, что своими рассуждениями он льет воду на мельницу тех, кто еще при жизни Макаренко несправедливо подвергал его нападкам⁴³.

Поддержку — хотя и косвенную — Спасский находит у немногих теоретиков педагогики, которые также отвергали интерпретацию Макаренко Лялиным как поверхностную или даже ложную. Один из них, Н. Катериночкин из Свердловского пединститута⁴⁴, упрекает Лялина в том, что тот потерял чувство меры : ведь в конце концов Макаренко не единственный среди советских педагогов, который располагает « правильным опытом и правильной теорией », не все то, что принадлежит его перу, априори истинно⁴⁵.

Еще решительнее выступает П. Н. Шимбирев, профессор педагогики Московского государственного пединститута, который еще в октябре 1936 г. во время диспута о *Педагогической поэме* вступил в спор с самим Макаренко. Он отклоняет попытку Лялина представить Макаренко единственным советским педагогом, который всегда все понимал правильно и соответственно с этим поступал, тем более, что это умаляло значение всех других советских педагогов-ученых, включая и тех, кто работал в то время. У Макаренко, пишет Шимбирев в большой, довольно критической статье « Ценное и ошибочное у Макаренко »⁴⁶, есть, конечно, бесспорные заслуги перед педагогикой. Но одно дело — оценить то положительное, что было достигнуто Макаренко в колонии им. Горького, и совсем другое — то, что делает Лялин — « пытаться представить всю работу этой колонии как полное и совершенное осуществление принципов марксистско-ленинской педагогики, как идеал, к которому должен стремиться каждый советский учитель и воспитатель ».

Кроме того, пишет Шимбирев, « задача работников теоретического фронта педагогики » не в том, чтобы « канонизировать опыт Макаренко », а скорее в том, чтобы — здесь Шимбирев пользуется формулой, ставшей общеупотребительной после декрета 1936 г., — отобрать лучший опыт советских педагогов и, обобщая его, « строить марксистскую науку о детях ». Составной частью « лучшего опыта » является, несомненно, и опыт Макаренко. Однако при этом надо обратить внимание и на то, что — « вопреки утверждению тов. Лялина » — « педагогические взгляды Макаренко не представляют собой целостной, от начала до конца продуманной системы воспитания подрастающего поколения », это скорее ряд идей и попыток найти решение отдельных вопросов, среди которых есть и « ошибочные » — начиная с умаления значения школы, отсутствия « настоящего педагогического коллектива » в колонии им. Горького и кончая передачей « карательных » функций детским организациям, например, совету командиров, « не говоря уже о телесных наказаниях ».

Но прежде всего Шимбирев осуждает то, что « не вполне правильный тон статьи тов. Лялина » повлиял и на характер самой дискуссии: авторов почти всех материалов занимают прежде всего две проблемы — строгость учителя и меры наказания. Если Макаренко и был « безусловно противником всяких мелкобуржуазных теорий свободного воспитания », то тем более было бы прискорбно, « если бы все 'усвоение' его педагогического наследства мы свели к вопросу о строгости и наказаниях ».

Своей кульминационной точки статья Шимбирева достигает в тот момент, когда он пишет о « пренебрежительном отношении к педагогике », которое чувствуется в произведениях Макаренко, а также и в некоторых материалах дискуссии. Ни в коем случае нельзя предполагать, что « теория педагогики ровно ничего не дает и все вопросы разрешаются исключительно практикой школы ». Это показывает лишь недостаточность знаний Макаренко, ведь « если бы в первый год существования колонии им. Горького Макаренко изучил более глубоко труды классиков марксизма-ленинизма о воспитании, если бы он уделил более серьезное внимание работам таких корифеев педагогики, как Песталоцци, Ушинский, Пирогов, Добролюбов, это предупредило бы Макаренко от ряда ошибок ».

Особенно щекотливый вопрос Шимбирев затрагивает, когда он пишет, что « совсем наивными выглядят попытки тов. Лялина вновь 'воскресить' те споры, какие велись между Макаренко, украинским Наркомпросом и тогдашними 'теоретиками' педагогики », и « сейчас всех работников теоретического фронта педагогики делить на два враждующих лагеря — сторонников и противников Макаренко ». Тем самым Лялин — это читается у Шимбирева скорее между строк — пытается сделать Макаренко или безоговорочное согласие с ним индикатором точного соблюдения партийной линии. В результате этого все остальные педагоги, которые — как и сам Шимбирев — признают заслуги Макаренко лишь частично, как бы являются его противниками, а тем самым и противниками партии. А это, как учит опыт декретов 1931 и 1936 г.г., могло привести к репрессиям — начиная с потери работы и кончая ссылкой и даже физическим уничтожением.

Возражения Шимбирева подхватил его ленинградский коллега Л. Е. Раскин⁴⁷. Он также называет « ошибочным и вредным » взгляд на Макаренко

как на « некий утес, противостоящий и враждебный всей современной педагогической науке », которую Лялин развенчал как « выражение квинтэссенции педологических, реакционных и мелкобуржуазных взглядов на воспитание ». Повторив уже известные критические замечания, Раскин упрекает Лялина в том, что тот не показал, что именно можно конкретно перенести в школьную жизнь « из арсенала тех средств и методов, которые сыграли положительную роль в педагогической практике А. С. Макаренко ». Вместо этого Лялин лишь констатировал :

« Макаренко — за строгость, и нам нужно быть за строгость ; Макаренко — против неразумной любви к ребенку, и нам нужно быть против нее ; Макаренко — за крепкий коллектив, и нам нужно создавать крепкий коллектив ; Макаренко — против потешающей педагогики, за серьезный труд, и мы должны быть против этого и за серьезный труд ; Макаренко — за воспитание культурных привычек, и мы должны воспитывать культурные привычки. »

Такого рода упрощенное и фальсифицированное противопоставление, считает Раскин, неуместно уже хотя бы потому, что в советской педагогической науке, « по крайней мере за последние несколько лет », никто не выступал против строгости, за неразумную любовь к детям и т.п.

Такого рода критика и такой подход к Макаренко и его педагогическому наследию должны были задеть не только Лялина, но и всю московскую комиссию. Поэтому было вполне логично, что кто-нибудь из узкого круга людей, близких Галине Стахивне, должен был выступить против всех этих критиков — и особенно против самого авторитетного и высокопоставленного « клеветника » в лагере теоретиков педагогики — против Шимбирева. Этот « кто-нибудь » был не кто-нибудь, это был Калабалин, он-то, как бывший воспитанник Макаренко, а теперь руководитель детдома, имел, как никто другой, право авторитетно высказывать свое мнение по поводу Макаренко.

Калабалин выбирает простое, но радикальное решение : в своей реплике « Ответ проф. Шимбиреву и наши предложения »⁴⁸ он объявляет его некомпетентным. По Калабалину, Шимбирев, не зная хорошо педагогической практики Макаренко, сконструировал целый ряд ни на чем не основанных утверждений — начиная с того, что Макаренко якобы недооценивал роль школы, и кончая отсутствием в колонии им. Горького настоящего педагогического коллектива. Заявив это, Калабалин — его авторитет подкреплён такими достоинствами, как « практик », « пролетарий », « приближенный » — резюмирует : « Я, правда, не профессор педагогики, а рядовой работник, но для меня совершенно очевидно, что автор не свел концы с концами. »⁴⁹

Еще резче — это местами похоже на донос — реакция М. Мануильского, который 27 августа 1940 г. публикует в *Правде* статью о ходе и результатах дискуссии в *Учительской газете*⁵⁰. То, что у Лялина и других звучит как намек на угрозы, здесь выражено без обиняков. Ссылаясь на упрек Шимбирева в адрес Макаренко — последний мог бы избежать многих ошибок и заблуждений, если бы не пренебрегал теорией педагогики и основательнее изучал произведения классиков, — Мануильский зачисляет Шимбирева и,

наряду с ним, « иных наших докторов педагогических наук » в разряд людей с устаревшими взглядами и потенциальных противников ; по его мнению они

« подчас повторяют зады, не замечая, что в советской стране, где создается замечательная, радостная жизнь, выковывается и новая, коммунистическая педагогика. Иные, бродя по кунсткамере педагогических теорий, не примечают сего слона ; но новая, советская педагогика, перенимавшая и использующая лучший опыт передового учительства, поднимает на неизмеримо высшую ступень нашу советскую школу. »⁵¹

С нескрываемой симпатией Мануильский в этой статье пишет о предложениях некоторых участников дискуссии решительнее ударить по недисциплинированности и хулиганству в школах, введя макаренковские методы воспитания. Указывая на недавние меры по усилению дисциплины на предприятиях — с начала 1939 г. трудовое законодательство в Советском Союзе стало значительно более жестким, — Мануильский в этой связи пишет :

« Партия и правительство наводят железный порядок на предприятиях. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня направлен против лодырей, прогульщиков, дезорганизаторов производства, требует суровой трудовой дисциплины. А между тем наша школа не приучила до сих пор ребят к дисциплине. Именно молодые рабочие составляют основной контингент прогульщиков на предприятиях. Странно было бы, если бы школа наша осталась в стороне от той большой работы по воспитанию дисциплины, которая проводится в советской стране. »

Так сторонники Макаренко постепенно стали признавать линию, которую партия декретами 1931 и 1936 г.г. официально объявила единственно правильной, то есть : селекцию определенных тем и имен в истории советской педагогической науки и стилизацию педагогической практики — в форме опыта лучших учителей и воспитателей, а также в виде (определенных) заявлений и выступлений партийного руководства, деятелей народного образования, — превращение ее в « теорию советской педагогики ». Но важно существенное дополнение : этот опыт лучших учителей и воспитателей — а также и его историческое значение — олицетворяет Макаренко, в нем это получило реальное воплощение.

Оглядываясь назад, можно сказать следующее : узкому кругу друзей и товарищей Макаренко и особенно его вдове удалось сделать с помощью « пролога » в *Правде* и серии статей в *Учительской газете* весной и летом 1940 г. первый важный шаг на пути утверждения Макаренко как важнейшего советского педагога. Его имя и связываемая с ним педагогическая концепция становятся с этого момента известными широким кругам педагогической общественности и определяют ход вновь начинающейся как раз к этому времени дискуссии о теории и практике советской педагогики⁵².

Этому способствовали также различные заседания и конференции летом 1940 г. Так, статья Лялина была главной темой совещания директоров школ Ленинградской области, которое было назначено уже на 19 июня. На нем

« единодушно » было выдвинуто требование « широкой пропаганды педагогического наследия Макаренко среди учительства и родительской общности »⁵³. А по сообщению *Учительской газеты* от 11 июля, аналогичное заседание прошло и в Краснодаре⁵⁴. К темам, обсуждавшимся на Второй всероссийской научно-педагогической конференции, которая проходила в Москве с 25 по 29 июня, незадолго до ее открытия был добавлен доклад проф. С. М. Ривеса о « Педагогических взглядах Макаренко и применении их в практике советской школы »⁵⁵. Состоявшееся вскоре после этой конференции заседание, организованное пединститутом в Минске, было также специально посвящено педагогическому наследию Макаренко⁵⁶. Коллегия Наркомпроса Белоруссии на своем заседании 25 июля обсуждала итоги дискуссии в *Учительской газете*⁵⁷. Профессор педагогики Киевского университета Я. Б. Резник, который докладывал на проходившем с 13 по 15 августа совещании актива Наркомпроса Украины « О проблемах воспитания в советской школе », опирался в своем выступлении прежде всего на эту дискуссию⁵⁸. Наконец, доклады о Макаренко были прочитаны в преддверии нового учебного года на районных « августовских совещаниях » — как того и требовали авторы писем в редакцию *Учительской газеты*⁵⁹.

То, что удалось успешно сделать этот первый шаг — как затем и последующие — по пропаганде Макаренко-педагога, никак нельзя объяснить лишь инициативностью, энергией и благоприятными для этого связями, также и политическими, единомышленников Галины Стахиевны. Существенной « предпосылкой » для этого была уже описанная здесь ранее ситуация : в результате санкционированного партией разрушения советской педагогической науки, которое сопровождалось и все большей международной изоляцией, ликвидацией ее учреждений, а также отстранением от работы и даже физическим уничтожением ее ведущих представителей, — в результате этого « педагогическая арена » с середины 30-х г.г. опустела⁶⁰.

И в этой определенной ситуации Макаренко является « человеком действия », из опыта которого можно было вывести « определенную систему педагогических воззрений », содержащую в себе « важнейшие проблемы методологии педагогики, методики и техники воспитания »⁶¹, человека, который является центральной интегрирующей фигурой, фигурой, узаконивающей те или иные принципы.

Вероятно, не менее важную роль в его успехе мог сыграть еще и тот факт, что как раз теоретических трудов Макаренко после себя не оставил, его главное произведение — педагогический роман. Статьи и доклады, в которых Макаренко пытался привести в систему свои взгляды на педагогику, свой опыт, а делал он это каждый раз с учетом изменений в политике партии в отношении семьи и народного образования — они были известны лишь немногим, и во время дискуссий « на теоретическом фронте педагогики » (1928-1931 г.г.) остались незамеченными, что скорее давало основание предполагать его полную политическую благонадежность. Невнимание к Макаренко « теоретиков » — когда-то авторитетных, а теперь низвергнутых — в этой ситуации можно было легко истолковать как « героическое сопротивление » или, по крайней мере, как « намеренное непризнание » педагога.

Вопрос о том, можно ли было бы вот так пропагандировать, внедрять педагогическое наследие Макаренко при его жизни, остается открытым.

Однако целый ряд фактов — например, обнаруженная текстологами редакционная обработка его произведений или ставшие за последнее время известными случаи « ретуширования » его биографии, — допускает предположение, что ранняя смерть Макаренко по меньшей мере благоприятствовала его « второму рождению » — уже в качестве истинного, ведущего советского педагога.

Учительская газета продолжает свою кампанию по пропаганде Макаренко-педагога также и осенью 1940 г. — целенаправленно ссылаясь на его труды, прежде всего в передовых статьях, а также публикуя ранее неизданные материалы. 15 сентября газета начинает печатать серию из восьми бесед Макаренко по педагогике для родителей, которые московская радиостанция « РЦЗ » выпустила в эфир в 1937 г., и выполняет тем самым требование некоторых участников дискуссии опубликовать педагогическое наследие Макаренко⁶². Книжное издание этого цикла, известного теперь под названием *Лекции о воспитании детей*, выходит — с предисловием В. Н. Колбановского — в издательстве « Учпедгиз » уже в конце 1940 г.⁶³.

МАКАРЕНКО СТАНОВИТСЯ ТЕМОЙ НАУЧНЫХ РАБОТ

В то время как все педагоги в результате газетной дискуссии, начатой статьей Лялина, казалось, были четко разделены на два лагеря — на « практиков » и « теоретиков », на перечисленных выше научно-педагогических заседаниях в середине 1940 г. со стороны « теоретиков » можно было услышать изменившиеся мнения относительно Макаренко и его педагогического наследия. И среди них начинают появляться те, кто считает : Макаренко — один из первых, чье имя будет (вновь) названо в истории и теории советской педагогики, до того вообще « очищенной » от имен.

Однако большая часть педагогов на этом первом этапе сохраняет по отношению к Макаренко определенную дистанцию — что время от времени дает повод их критиковать. Так, автор одной статьи, опубликованной в сентябре 1940 г. в одном из журналов ЦК комсомола, жалуется на отсутствие интереса со стороны научно-исследовательских педагогических институтов и кафедр вузов к такому важному и актуальному вопросу, как разработка « научно обоснованной, продуманной системы методов воспитания детей в школе ». Далее там повторяется, что « многие теоретики педагогики » стремились « замолчать » Макаренко под тем неубедительным предлогом, что его взгляды для советской школы « не могут представлять интереса », так как они возникли на основе практики Макаренко в закрытой колонии для малолетних правонарушителей⁶⁴. Этому журналу вторит *Учительская газета* от 11 октября 1940 г. : в Краснодарском пединституте « до сих пор 'не нашли времени' » заняться этим вопросом. « Даже кафедра педагогики еще не успела 'подойти' к педагогическому наследию Макаренко. »⁶⁵

Подобные иронические формулировки вскоре уже сменились осуждением тех « ученых », которые якобы хотели « не допустить » Макаренко в педагогику — как об этом говорится в отчете *Литгазеты* о прошедшей в Харькове сессии, посвященной Макаренко — вероятно, из страха за себя : они несомненно чувствовали, что с признанием или непризнанием его педагогического наследия связано большее, чем просто « пересмотр отдельных приемов,

методов или положений », что это означает скорее « пересмотр мировоззрения, перестройку всего склада сознания : нельзя быть подлинным последователем педагогической системы Макаренко, не будучи большевиком по всему строю политических, философских, этических взглядов и принципов. »⁶⁶

ХАРЬКОВСКАЯ СЕССИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ МАКАРЕНКО
В НОЯБРЕ 1940 г.

В конце 1940 года пропагандистами педагогических взглядов Макаренко было предпринято дальнейшее наступление на пути к признанию его выдающимся практиком и теоретиком педагогики. И произошло это в городе, с которым педагогическая деятельность Макаренко была связана теснее всего. С 28 по 30 ноября в Харьковском дворце пионеров состоялась широко задуманная научная сессия, посвященная педагогическому наследию Макаренко⁶⁷. Ее организатором был только что тогда основанный городской институт усовершенствования учителей. В сессии участвовало 700 человек, — в основном учителя харьковских школ⁶⁸, но также и целый ряд профессоров и сотрудников научно-исследовательских институтов и вузов не только из Харькова, но и из Киева, Москвы, Ленинграда и других городов ; представители Союза писателей, заместитель наркома просвещения УССР Лобер, кроме того — целый ряд старых сотрудников и воспитанников Макаренко из колонии и коммуны и, наконец, его вдова. В рамках этой сессии впервые была организована выставка, посвященная жизни и творчеству Макаренко.

Составу участников соответствует подбор выступающих, спектр затрагиваемых вопросов и выдвигаемые требования. С докладами выступают такие теоретики педагогики, как Лялин, которого, как пишет *Учительская газета*, участники сессии « тепло встретили », и Резник, кроме того — представитель Союза советских писателей Гольдес, а также бывшие сотрудники и воспитанники Макаренко. Все они чествуют Макаренко-практика и теоретика педагогики, Макаренко-образцового советского человека и гражданина, а также Макаренко-писателя. Но не только отдельные докладчики известны уже по предшествовавшей дискуссии, известны также их аргументы, обвинения и требования. Новым является лишь требование участников сессии создать постоянную выставку — музей А. С. Макаренко. Проект, за осуществление которого возьмется впоследствии московская « комиссия »⁶⁹.

В *Литгазете* от 22 декабря 1940 г. публикуется подробный отчет Н. Четунновой, одного из членов комиссии, о харьковской сессии⁷⁰. Также и она жалуется на то, что значение Макаренко для научной педагогики все еще недооценивается, хотя он, как пишет Четуннова, стоит « по своему значению в развитии мировой педагогической мысли » на одном уровне с Руссо и Песталотти. Далее Четуннова сожалеет о том, что « продолжатели дела Макаренко » находятся все еще не « на ведущих постах воспитательной работы », а вынуждены пока только :

« пробивать дорогу в воспитательную практику педагогическим принципам Макаренко », и притом « почти с тем же героическим упорством, с каким сражался сам Макаренко против педолого-педагогического 'Олимпа'. Харьковская сессия должна положить начало перелому в отношении органов народного образования к педагогической системе Макаренко. »

В этой публикации Четунова использует возможность проинформировать широкую общественность о существовании и деятельности « макаренковской комиссии » при президиуме Союза писателей, а также чтобы склонить ее « как можно скорее подготовить к печати к счастью сохранившиеся многие стенограммы докладов А. С. Макаренко ».

Эти материалы — Галина Стахивна предоставила их и, бесспорно, сама « подготовила », т.е. отредактировала в соответствии с требованиями к классику педагогики, — *Учительская газета* начала публиковать уже 15 декабря 1940 г. В этот день вышла — помещенная редакцией в передовой статье — первая часть ленинградского доклада Макаренко « Некоторые педагогические выводы из моего опыта ». До начала февраля 1941 г. газета опубликовала еще несколько стенограмм его выступлений⁷¹.

О ТОМ, КАК ИМЯ МАКАРЕНКО ПОПАДАЕТ В ПРОГРАММЫ И УЧЕБНИКИ ПО ПЕДАГОГИКЕ

Четуновой, возможно, во время ее работы над отчетом о харьковской сессии еще не был известен тот факт, что в результате кампании, проведенной *Учительской газетой*, имя Макаренко наконец вошло в программы и учебники для будущих учителей. Произошло это осенью 1940 года.

В ноябрьско-декабрьском номере *Советской педагогики* была опубликована новая учебная программа по истории педагогики для пединститутков. В ней было предусмотрено изучение педагогических взглядов Макаренко. Эта программа — результат работы специальной комиссии, образованной при кафедре педагогики Московского государственного университета. В ее состав вошли профессора Е. Н. Медынский (председатель), Н. А. Константинов, П. Н. Шимбирев, Г. Е. Жураковский и доцент А. Н. Веселов. Программа была утверждена 26 августа 1940 г. Всесоюзным комитетом высшей школы. Этому предшествовали продолжавшиеся два года дискуссии по поводу новой программы и ее проверки на практике.

В разделе V второй части программы, который называется « Главнейшие этапы развития теории и практики советской школы », перечислены — в подразделе « Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930-1934 гг.) » — среди прочих следующие темы: « Роль товарища Сталина в перестройке и улучшении работы советской школы, его заботы о школе, учителях и учащихся. Крупская о ленинско-сталинском воспитании молодежи. Педагогические взгляды и педагогическая деятельность А. С. Макаренко. »⁷² Тем самым, Крупская и Макаренко — первые педагоги, которые (вновь) получили доступ в историю советской педагогики.

Макаренко при этом был включен в учебную программу в очень короткий срок. В «методических замечаниях», предпосланных программе, Медынский указывает на изменения в подборе тем по сравнению с первой редакцией программы 1938 г. — наряду с Макаренко здесь появились главы «М. В. Ломоносов» и «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова» (отца В. И. Ленина). Констатируя это, Медынский «страхует» следующей заслуживающей внимания формулировкой: «Необходимость этих добавлений едва ли нуждается в подробной мотивировке.»⁷³

За включением Макаренко в новую учебную программу следует дополнительное признание его педагогических заслуг в двух учебниках педагогики для педагогических заведений, которые были подписаны в печать в конце ноября и середине декабря 1940 г. и выходят весной 1941 г. в издательстве «Учпедгиз» — оба под названием *Педагогика*. Первый учебник представляет собой второе, исправленное и дополненное издание книги Б. П. Есипова и Н. К. Гончарова, второй — новое учебное пособие П. Н. Шимбирева.

В обоих случаях довольно любопытен способ изложения в немногословных высказываниях, касающихся Макаренко. В главе «Учитель советской школы», написанной Есиповым, речь о Макаренко заходит довольно неожиданно. Автор упоминает его имя в разделе «Проявление творческой активности в работе», при этом говорится почти исключительно о «человеческо-педагогических» качествах Макаренко — Макаренко-образцовый педагог, Макаренко-отец и друг своих воспитанников⁷⁴. Нет ничего, что помогло бы увидеть в Макаренко педагога, который создал научно обоснованную систему коммунистического воспитания или по крайней мере ее элементы!

Шимбирев же, несмотря на то (или как раз именно потому), что он в недавней дискуссии выступал как критик Макаренко, пишет о нем в разделе «Наука-педагогика и искусство воспитания». Он признает «огромное педагогическое мастерство» и отмечает (правда, в довольно общей форме) его вклад в советскую педагогическую науку. Предубеждение Шимбирева против Макаренко, которое так резко было выражено незадолго до этого, летом 1940 г., можно и теперь почувствовать между строк, например, когда он подчеркивает, что Макаренко выработал свои педагогические взгляды «в труднейших условиях работы с беспризорными детьми и правонарушителями»⁷⁵.

Несмотря на то, что Макаренко включен теперь в новую программу по истории педагогики и в соответствующие учебные пособия, журнал *Советская педагогика* обходит его молчанием, собственно замалчивает его, как это сформулировал в *Учительской газете* от 21 марта 1941 г. Лялин⁷⁶. Не считая тех немногих, так сказать, неизбежных упоминаний о Макаренко осенью 1940 г. (как приведенные выше), в *Советской педагогике* за этот год ни разу не появилось ни критических, ни положительных высказываний о Макаренко, равно как и о начавшейся еще летом дискуссии. Также и в мартовском номере за 1941 г., где был напечатан материал о Третьей сессии учебно-методологического совета Наркомпроса РСФСР, состоявшейся в конце декабря 1940 г. в Москве, не упоминается о том, что на ней некоторые докладчики говорили и о Макаренко⁷⁷.

Это неизменно сдержанное отношение журнала к Макаренко, возможно, является следствием попыток редакторов и постоянных авторов *Советской педагогики* возратить Н. К. Крупской подобающее ей место в истории и теории советской педагогики⁷⁸. В статье, которую *Комсомольская правда* публикует ко второй годовщине смерти Макаренко, ее автор — Колбановский — напоминает о том, что именно *Советская педагогика* в свое время — в 1938 г. — пыталась «уничтожить *Книгу для родителей* ядовитой рецензией некоего Стороженко»⁷⁹.

Важный шаг на пути к признанию Макаренко научной педагогикой (и тем самым в конце концов к его «внедрению» в ее главный орган — журнал *Советская педагогика*) был сделан за несколько недель до того — на заседании «комиссии» 20 декабря 1940 г. После успеха харьковской сессии (которая показала, что — так записано в протоколе этого заседания — «литературное наследство А. С. имеет не только художественный, но и большой научно-педагогический интерес и выходит за рамки деятельности Комиссии ССП») обсуждается «вопрос об изменении и расширении» работы комиссии и принимается решение созвать 6 января 1941 г. специальное совещание «с представителями педагогической общественности г. Москвы». И. Ф. Козлову и Галине Стахивне Макаренко поручается составить «персональный список приглашаемых товарищей». В результате на этом расширенном заседании комиссии, на котором было намечено провести целый ряд мероприятий ко второй годовщине смерти Макаренко (научно-педагогическая сессия, выставка, публикации в *Учительской газете* и *Литературной газете*), участвуют и три теоретика педагогики, которые в течение ближайших лет сыграют важную роль в восприятии педагогических взглядов Макаренко. Это — Е. Н. Медынский, И. А. Каиров и Б. П. Есипов⁸⁰.

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ :

ПЕДАГОГ МАКАРЕНКО ПОЛУЧАЕТ ШИРОКОЕ ПРИЗНАНИЕ И ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ

2 марта 1941 г. *Учительская газета* под заголовком «Насущные проблемы советской педагогики» публикует основополагающую статью на двух страницах — и тем самым начинает новую дискуссию. Подписана статья «коллективом научных сотрудников харьковских вузов» — поименно названы одиннадцать профессоров и доцентов. Среди них — А. Зильберштейн, знакомый Макаренко, и А. Тер-Гевондян, один из докладчиков на харьковской сессии⁸¹, а позже — один из самых активных помощников Галины Стахивны в редакционной подготовке наследия Макаренко.

В одном из разделов этой статьи — «Изучать и разрабатывать труды выдающихся советских педагогов» — называются имена Крупской, Шацкого и Макаренко, но отношение к ним неодинаковое. Скорее создается впечатление, что два первых имени упомянуты рядом с именем Макаренко только как введение, для полноты охвата темы. В то время как Крупской посвящено всего два абзаца (при этом приводятся цитаты лишь из ее дореволюционных работ), а о Шацком говорится вскользь, о Макаренко рассказывается подробнее, и его называют «крупнейшим советским педагогом»⁸².

Этой публикацией харьковских ученых-педагогов *Учительская газета* открывает « широкую дискуссию » о проблемах, связанных с созданием « марксистской науки о детях ». В дискуссии, которая закончилась в середине апреля 1941 г. всесоюзной конференцией по педагогическим наукам, участвовали все значительные педагогические и психологические научно-исследовательские институты, сотрудники которых прислали в редакцию коллективные статьи, а также отдельные ученые и просто читатели газеты. Почти во всех этих материалах авторы требуют исследовать опыт « лучших советских учителей » и работы « выдающихся советских педагогов » — и, прежде всего, наследие Крупской и Макаренко. Тем самым в истории и теории советской педагогики заканчивается « безымянный период ».

Примечательно, что авторы этих материалов уделяют Макаренко больше внимания, чем Крупской или даже Шацкому. Для них Макаренко становится педагогом, чьи работы важны не только для эмпирической педагогики (как пишет в статье « Теория и практика изучения детей » профессор педагогики Московского городского пединститута В. Н. Марков)⁸³, но и для (педагогической) психологии (что подчеркивают в статье « Задачи психологии и создание марксистской науки о детях » сотрудники Государственного психологического института)⁸⁴. А В. Е. Гмурман, сотрудник Государственного института школ Наркомпроса РСФСР, а позже « главный редактор » семитомника собрания сочинений Макаренко, пишет в своей статье « О проблематике научной работы » : « И в теории воспитания необходима более углубленная работа над отдельными теоретическими проблемами. Многие из них сформулированы в работах А. С. Макаренко. »⁸⁵

Что-либо подобное в отношении Крупской, которая умерла лишь за месяц до Макаренко, или даже Шацкого в то время было просто невыносимо. В 20-30 г.г. Крупская часто высказывалась не только по вопросам образования и педагогики, но и выступала против внутривластной линии Сталина. Поэтому-то Сталин, обязанный сохранять по отношению к ней, как к вдове Ленина, определенный пиетет, делал с конца 20-х г.г. все от него зависящее для того, чтобы все больше изолировать Крупскую от политической и даже от социальной жизни страны. Это, впрочем, не помешало некоторым ее бывшим сотрудникам и ученикам выступить за ее реабилитацию.

Шацкий же, умерший уже в 1934 г., стал одиозным прежде всего из-за своих реформаторско-педагогических взглядов — к этому времени считавшихся буржуазными и антисоветскими. Ведь в конце 20-х г.г. « шацкизм » был даже синонимом « правого уклона ». Именно в этом контексте следует понимать замечание Шимбирева в статье « О главном и второстепенном » : « Нет оснований спешить с разработкой педагогического наследия С. Т. Шацкого : слишком много в его трудах ошибочного и мало созвучного с задачами советской педагогики. » Более необходим « глубокий научный анализ и раскрытие богатства педагогического наследия замечательных советских педагогов — Н. К. Крупской и А. С. Макаренко »⁸⁶.

С. Л. Рубинштейн, профессор психологии Ленинградского пединститута им. Герцена, напоминает в своей статье « О задачах советской психологии » — как в свое время уже и *Литгазета* — о другом, как раз в этот же период намечающемся процессе канонизации, до странности похожем на « случай Макаренко », касающемся, правда, человека, которого позже стали считать шарлатаном — Т. Д. Лысенко :

« Лишь в результате длинной и ожесточенной борьбы против традиционной формалистической генетики пробил себе путь революционный дарвинизм Тимирязева-Мичурина-Лысенко », — пишет Рубинштейн, и после длительной и упорной неприязни со стороны « педагогического Олимпа » начинает прокладывать себе путь положительная оценка педагогической системы Макаренко⁸⁷.

На время дискуссии о « насущных проблемах советской педагогики » приходится вторая годовщина смерти Макаренко и по этому поводу во многих советских газетах и журналах появляются хвалебные статьи, в том числе — впервые и в *Советской педагогике*. Здесь публикуются сразу пять статей о Макаренко, три из которых написаны ведущими теоретиками педагогики: профессорами Б. Б. Комаровским (Баку), С. М. Ривесом и В. Н. Марковым⁸⁸. Таким образом, и этот — последний — бастион взят.

Статья еще одного теоретика, проф. Е. Н. Медынского, в *Учительской газете* печатается рядом с очерком о дореволюционной деятельности Макаренко под названием « Жизнь, полная труда и исканий », написанном Галиной Стахивной⁸⁹. Опираясь в нем прежде всего на автобиографические высказывания из художественных и публицистических произведений своего мужа и, таким образом, в какой-то мере на соответственно авторизованные « подготовительные работы », Галина Стахивна намечает здесь главные линии будущей биографии Макаренко. Предпринятые при этом « очищение » и « пролетаризация » прошлого Макаренко (единственный ребенок в семье бедного, но сознательного рабочего и т.п.) были в это время не только нужными, но просто даже необходимыми мерами для того, чтобы беспартийный « аутсайдер » с отягчающим анкету « заграничным родственником » (родной брат — белогвардеец во Франции !) мог быть принят в советский « пантеон ».

Вечером первого и второго апреля 1941 г. в Московском университете проходит совместное посвященное Макаренко заседание учебного совета Института школ, кафедр педагогики университета и московских пединститутов. С докладами выступают: профессора Колбановский (« Макаренко — писатель, педагог, гражданин »), Каиров (« Коллектив в педагогической системе Макаренко ») и Ривес (« Роль воспитателя в педагогической системе Макаренко »), а также А. М. Гельмонт (« Трудовое воспитание в педагогической системе Макаренко »)⁹⁰.

Ривес выступает с докладом и на состоявшейся позже (19-24 апреля) конференции по педагогическим наукам, которая была организована Всесоюзным комитетом высшей школы и Наркомпросом РСФСР. Тема его доклада — « Педагогическая система А. С. Макаренко и ее значение в развитии советской педагогики ». В переработанном виде доклад был опубликован затем в *Учительской газете* и *Советской педагогике*. Ривес там, в частности, пишет, что « вся система педагогических мероприятий А. С. Макаренко является частью советской педагогической системы, системы, основанной на великом учении Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина ». Макаренко является образцом не только практика, но и « педагога-исследователя »:

« Глубокая принципиальность, непримиримость в борьбе с неправильными и вредными концепциями, непосредственная практическая работа с детьми, смелая постановка самых трудных вопросов на практике, острый анализ и глубокое обобщение положительных достижений — ценнейшие качества Макаренко как педагога-исследователя и экспериментатора. Эти качества должны воспитать в себе работники теоретико-педагогического фронта, и тогда мы сможем поднять педагогическую науку на уровень, соответствующий гигантским задачам нашей великой Сталинской эпохи. »⁹¹

Результат всех этих усилий — не только приучить педагогическую общественность к мысли о том, что Макаренко — важнейший советский педагог, но и сделать из него главного протагониста заново формирующейся советской педагогической науки, — этот результат можно сформулировать словами писателя Ермилова, одного из основателей « комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко » ССП. В статье ко второй годовщине смерти Макаренко в журнале *Красная новь* он пишет :

« О Макаренко говорят на учительских съездах, на комсомольских собраниях, в семьях рабочего, служащего, колхозника. Заслуженные профессора, историки педагогики, со всей научной ответственностью называют его *классиком* мировой педагогики. »⁹²

Итак, это было вторым рождением Макаренко-педагога.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ...

Дальнейшее развитие восприятия идей, связанных с именем Макаренко, получило большую известность, чем те начальные описанные в данной работе пути, которые были возможны только благодаря внешнеполитической « тишине » того времени (« пакт Гитлера-Сталина »). Развитие это привело со временем к тому, что некоторые иностранные ученые увидели в Макаренко « педагога, который является классиком не только для коммунистического мира » ; его творчество « было расценено как самый значительный вклад России в развитие воспитательной мысли XX века »⁹³.

Ниже следует перечень важнейших событий, связанных с восприятием идей Макаренко и его личности, происшедших до начала 50-х годов.

Весной 1941 г. издательство « Учпедгиз » выпускает две брошюры для родителей и сборник статей по вопросам воспитания детей в семье. В этих трех публикациях впервые прямо ссылаются на Макаренко⁹⁴. Кроме того, также еще до начала войны, появляется (в Сталинграде) переиздание лекций Макаренко на радио⁹⁵, а также тематический выпуск *Бюллетеня*, посвященного Макаренко, Московского научно-практического института специальных школ и детских домов со статьями педагогов-ученых С. М. Ривеса, И. И. Данишевского, А. М. Гельмонта, В. И. Куфаева и Н. М. Шульмана⁹⁶. Наконец, в Симферополе появляется первая книга о нем — *Вопросы психологии воспитания в произведениях А. С. Макаренко* В. М. Белоуса (издана институтом усовершенствования учителей Наркомпроса Автономной Крымской республики)⁹⁷.

Уже не в Москве, а в г. Чкалов (Оренбург), расположенном восточнее столицы, осенью 1941 г. появляется — под названием *Воспитание детей в семье и школе* — сборник выступлений Макаренко, которые ранее публиковались в *Учительской газете*; в 1942 г. этот сборник выходит (в Алма-Ате) и на казахском языке. Кроме того, в 1941 г. цикл лекций Макаренко на радио выходит в переводе на армянский (в Ереване), грузинский (в Тбилиси), узбекский (в Ташкенте), украинский (в Киеве) и эстонский (в Таллине) языки. Осенью 1941 г., когда полным ходом шла эвакуация московских предприятий и учреждений, «Архив А. С. Макаренко», которым заведовала Галина Стахивна, тоже был перевезен сначала в Куйбышев, а затем в Свердловск⁹⁸.

В июле 1943 г., спустя полгода после Сталинградской битвы, изменившей ход войны, научная жизнь в Москве стала нормализоваться. В это время при кафедре педагогики государственного пединститута им. В. И. Ленина была образована — на смену «макаренковской комиссии» ССП — Научно-исследовательская лаборатория А. С. Макаренко под руководством Галины Стахивны⁹⁹. Целью ее стало «изучение и внедрение в практику воспитательных учреждений педагогических идей А. С. Макаренко». Для этого был составлен список, включавший тридцать тем для «научной обработки», опубликованных затем в *Советской педагогике*. Кроме всего этого планируется провести конференцию по вопросам педагогики Макаренко, издать сборник научных статей к пятилетней годовщине смерти педагога¹⁰⁰. Уже в 1944 г. Научно-исследовательская лаборатория А. С. Макаренко (новое название: Лаборатория по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко) стала частью Института теории и истории педагогики (директором его был И. Ф. Сладковский) только что образованной Академии педагогических наук (АПН) РСФСР. Галина Стахивна — теперь уже в должности «исполняющей обязанности старшего научного сотрудника»¹⁰¹ — по-прежнему руководит лабораторией. Вместе с нею работают И. Ф. Козлов и А. Г. Тер-Гевондян. Цель их работы — подготовка к изданию выходивших до сих пор разрозненно, а также к тому времени еще неопубликованных работ Макаренко по педагогике, а кроме того, — исследование воспитательной работы в коммуне им. Дзержинского¹⁰².

В 1944 г. в издательстве ВЛКСМ «Молодая гвардия» выходит первая редакция монографии Медынского о Макаренко, которая позже была переведена и за границы на многие языки. В этой книге — предисловие к ней написано Г. С. Макаренко, она же явно и «руководила» автором — впервые более или менее подробно описываются «жизнь, деятельность и педагогическая система» (подзаголовок книги) Макаренко — правда, «в слегка очищенном виде» в соответствии с духом времени, с требованиями политической и педагогической конъюнктуры¹⁰³. В том же году выходит, кроме того, новое издание *Педагогической поэмы*, также слегка переработанное по тем же причинам¹⁰⁴. 31 марта 1945 г. проходит «вечер воспоминаний», организованный Лабораторией А. С. Макаренко АПН вместе с кафедрами педагогики московских пединститутов, на котором выступают бывшие воспитанники, сотрудники и друзья Макаренко. (Этот вечер был организован вместо научной конференции, запланированной первоначально к пятой годовщине смерти Макаренко)¹⁰⁵.

После окончания войны начинается « экспорт » Макаренко в только что преобразовавшиеся страны народной демократии — *Педагогическая поэма* переводится на болгарский (1945), польский, чешский (1946), венгерский, сербский, хорватский (1947), немецкий, румынский и словацкий (1949) языки. В это время там также выходят переводы его *Лекций о воспитании детей* — на албанском, болгарском, чешском (1947), сербском, словацком, хорватском (1948), китайском, македонском, немецком, польском и румынском (1949) языках¹⁰⁶.

В 1946 г. издательство « Учпедгиз » выпускает третье, « исправленное и дополненное » издание учебника педагогики для педагогических училищ Б. П. Есипова и Н. К. Гончарова, а также учебник для учительских институтов И. Т. Огородникова и П. Н. Шимбирева с соответствующими главами о Ленине, Сталине, Крупской и Макаренко¹⁰⁷. Тем самым была закреплена традиция « иерархии » ведущих советских педагогических мыслителей в первой послевоенной декаде. Предпочтение, которое авторы работ отдают Макаренко перед Крупской, отражает общую тогдашнюю тенденцию : о Макаренко было написано 28 кандидатских диссертаций, в то время как о Крупской — всего лишь 10 (если учесть только диссертации на русском языке). Различным было также и отношение АПН к изданию литературного наследия этих педагогов — два сборника избранных произведений Крупской (в 1948 и 1955 г.г.) — это явно мало по сравнению с изданием работ Макаренко — два сборника избранных произведений (1946, 1948 г.г.), четырехтомное собрание педагогических сочинений (1949), семитомник *Сочинений* (изданы И. А. Каиловым, Г. С. Макаренко и Е. Н. Медынским уже в 1950-1952 г.г.). Последнее издание оставалось самым полным до 70-х годов, оно было переведено за границы на чешский (1952-1955), венгерский (1955-1956), польский (1955-1957), китайский (1956-1957) и, частично, на немецкий (т.т. 5 и 7, 1956-1958), словацкий (т.т. 6 и 7, 1957-1958) и румынский (т.т. 6 и 7, 1958-1959) языки, а вышедшее в 1957-1958 г.г. второе издание послужило основой для переводов на немецкий (1961-1964) и японский (1964-1965) языки. Подобное издание сочинений Н. К. Крупской (*Педагогические произведения* в одиннадцати томах) АПН предпринимает лишь в 1957-1963 г.г., а на иностранные языки оно не переводилось¹⁰⁸.

В 1949 г. издательство Львовского университета выпускает первую книгу серии *А. С. Макаренко*, издаваемой Ф. И. Науменко. (В настоящее время выпущено уже 11 томов). В 1951 г. появляется монография Е. Балабановича *А. С. Макаренко. Очерк жизни и творчества*. В том же году по указу правительства УССР наконец открывается первый музей А. С. Макаренко — в доме его родителей, в Кременчуге-Крюкове.

Несмотря на все эти « академические старания » теоретиков, вопрос о применении педагогической концепции Макаренко в школе остается нерешенным. В декабре 1950 г. открывается новая дискуссия на тему, на этот раз в *Литгазете*. Она началась с публикации статьи Ф. Вигдоровой « Драгоценное наследство »¹⁰⁹. Как и в дискуссии 1940 г. в *Учительской газете*, здесь участвуют прежде всего учителя, а также С. Калабалин и П. Шимбирев¹¹⁰. Главный итог дискуссии в *Литгазете*, который был подведен в августе 1951 г., довольно мало отличается от результатов первой : и на этот раз нашлись « теоретики », которые препятствуют правильному применению

системы Макаренко в школе, — правда, не потому, что замалчивают ее, а потому, что хотят сослать « драгоценное наследство » в архивы :

« Педагогическое наследие Макаренко не должно и не может быть объектом хранения в исторических архивах, материалом для бесстрастных академических изданий. Наследие Макаренко, очищенное от отдельных неправильных и устаревших положений, — это действенное, боевое оружие в арсенале коммунистического воспитания, и надо относиться к нему именно как к такому боёвому оружию. »¹¹¹

Марбург / Мюнстер, 1987 г.¹¹²

1. В некрологе, кроме того, сообщается, что *Педагогическая поэма* « переведена на все главные языки мира », что в то время отнюдь не соответствовало действительности : до 1939 г. за границей вышла только первая из трех частей этого произведения, и притом только на английском (1936, 1938 г.г.), голландском (1938) и французском (1939 г.) языках. Ошибочными следует считать также сведения, исходящие, очевидно, от Галины Стахивны Макаренко, о том, что произведения Макаренко еще при его жизни были переведены на 12 иностранных языков ; Е. О. Ройтенберг, « Воспоминания об А. С. Макаренко », *Советская педагогика* (далее ссылки на этот журнал как на : *Сов. пед.*), 5-6, 1944, сс. 16-19 (здесь — с. 19).

2. 15.2.1939 г., незадолго до XVIII-ого съезда партии, Макаренко — воодушевленный присвоением ему ордена Трудового красного знамени (31.1.1939 г.) — подал заявление о принятии его « в число кандидатов в члены ВКП (б) », которое было обсуждено 16 марта на заседании партийного комитета Союза советских писателей и передано на рассмотрение вышеупомянутого общего партсобрания для принятия окончательного решения. На основании протокола этого заседания (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, отдел рукописей, Москва, ф. 114, оп. 1, д. 5) можно исходить из того, что заявление Макаренко 4 апреля было бы удовлетворено.

3. « Похороны А. С. Макаренко », *Известия СДТ*, 80, 5.4.1939, с. 4 ; П. Г. Лисенко, И. С. Убийвовк, *Антон Семенович Макаренко*, вид. 2-е, Київ, 1978, с. 130.

4. « Последний путь », *Литературная газета* (ссылки как на : *Лит. газ.*), 19, 5.4.1939, с. 1.

5. Главное место на первой странице этого номера *Литгазеты* занимает портрет Макаренко, а также уже упоминавшееся подробное сообщение о почетном карауле у гроба с его телом в Доме ССП и торжественном погребении (*там же*) ; за этим были напечатаны соболезнования различных областных писательских организаций, а также редколлегий литературных периодических изданий. На второй странице рядом с некрологом « Памяти А. С. Макаренко » были помещены отзывы коллег-писателей и бывших воспитанников, кроме того — статья В. Н. Колбановского, друга Макаренко, который уже в предыдущие годы оценивал его как выдающегося педагога и защищал от враждебных выпадов : « Мастер коммунистического воспитания ».

6. « Кровное дело интеллигенции », *Лит. газ.*, 19, 5.4.1939, с. 1.

7. См. протоколы заседаний « Макаренковской комиссии » : Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ссылки как на : ЦГАЛИ), ф. 332, оп. 1, ед.хр. 76.

8. См. протоколы заседаний от 20.12.1940 и от 6.1.1941.

9. С. Дзубинский, « Антон Семенович Макаренко — писатель — педагог », *Начальная школа*, 6, 1939, сс. 16-23.
10. Н. Четунова, « А. С. Макаренко », *Красная новь*, 4, 1939, сс. 202-216 ; « Антон Семенович Макаренко. Некролог », *Октябрь*, 4, 1939, сс. 43-44 ; « Памяти А. С. Макаренко », *Литературное обозрение*, 8, 1939, с. 56 ; « Памяти Антона Семеновича Макаренко », *Литературный критик*, 4, 1939, сс. 174-175 ; « Писатель — педагог — борец », *Детская литература*, 4, 1939, с. 8 ; « О Макаренко », *Молодая гвардия*, 4, 1939, сс. 197-208 (воспоминания бывших воспитанников П. Архангельского, А. Тубина и С. Калабалина) ; А. Тубин, « Антон », *Год XXII*, Альм. 16, Москва, 1939, сс. 445-492.
11. Эта « забота » о нем после смерти со стороны ССП вполне соответствует собственным представлениям Макаренко о своем месте в обществе : в последние годы жизни он считал себя прежде всего писателем и жил на средства, получаемые им за литературные произведения ; как говорили, его последними словами были : « Я писатель Макаренко ».
12. См. *Учительская газета* (ссылки как на : *Уч. газ.*) с 9.12.1939 до 9.4. 1940.
13. *Уч. газ.*, 17.1., 29.1.1940.
14. И. Степанов, « К вопросу о взысканиях в школе », *Сов. пед.*, 8-9, 1939, сс. 47-57 (здесь — с. 47) .
15. С. И., « Памяти А. С. Макаренко », *Лит. газ.*, 19, 5.4.1940, с.1.
16. Большинство членов « комиссии » были членами партии : Галина Стахивна Макаренко и Бобунов — с 1918 г., Колбановский — с 1919 г., Ермилов — с 1927 г., Вишневский — с 1937 г. После окончания работы над рукописью нам стало известно, что Галина Стахивна Салько-Макаренко в 1934 г. « механически » была исключена из партии.
17. М. Кропачева, « Неиспользованное наследство », *Правда*, 76, 17.3.1940, с. 6. Почетное звание этого автора — « заслуженная учительница РСФСР » — сообщает Н. А. Морозова в своей книге *А. С. Макаренко*, изд. 2-е, Ленинград, 1961, с. 28.
18. И. Вислов, « За единый действенный коллектив », *Правда*, 85, 26.3.1940, с. 4.
19. « Семья и школа », *там же*, 89, 29.3.1940, с. 1.
20. С. Калабалин, « По стопам своего учителя », *там же*, 106, 16.4.1940, с. 4.
21. Е. Ройтенберг, « Замечательное педагогическое наследство », *Уч. газ.*, 52, 17.4. 1940, с. 2. Вопреки известному факту, что этот автор был воспитанником коммуны им. Дзержинского и именно так и представлялся в других публикациях, здесь его называют сотрудником коммуны, проработавшим в ней много лет, — возможно, чтобы придать таким образом больший вес его свидетельствам.
22. « Против схематизма в воспитательной работе », *Уч. газ.*, 56, 25.4.1940, с. 1.
23. Доклад Куфаева « Педагогический оптимизм А. С. Макаренко » вместе с докладом С. М. Ривеса, профессора педагогики Московского гос. пединститута, — « Изучим опыт передового советского педагога А. С. Макаренко » был опубликован в *Учебно-воспитательная работа в детских домах*, Москва, 1940, 4, сс. 3-27.
24. В. Колбановский, « Новатор социалистической педагогики », *Красная новь*, 4, 1940, сс. 173-177.
25. Здесь имеются в виду постановления ЦК ВКП (б) от 5.9.1931 г. « О начальной и средней школе » и от 4.7.1936 г. « О педологических извращениях в системе наркомпросов ».
26. Б. П. Есипов, Н. К. Гончаров, *Педагогика*, Москва, 1939 ; *Педагогика*, под ред. И. А. Каирова, Москва, 1939 ; *Педагогика. Учебное пособие для пед. высш. учеб. заведений и университетов*, под ред. П. Н. Груздева, Москва, 1940 ; Ш. И. Ганелин, Е. Я. Голант, *История педагогики*, Москва, 1940 ; *Педагогика. Посібник для пед. вищ. шкіл*, за ред. С. Х. Чавдарова, Київ, 1940.
27. *Уч. газ.*, 87, 29.6.1940, с. 4.
28. Н. Лялин, « О педагогическом наследстве А. С. Макаренко », *Уч. газ.*, 76, 7.6. 1940, с. 2 ; 77, 9.6.1940, с. 2.

29. Лялин в своей статье приводит цитаты из стенограммы выступления Макаренко в Ленинграде (16.10.1938 г.).

30. По поручению *Учительской газеты* статью Лялина редактировал В. Е. Гмурман (по утверждению последнего в беседе с Г. Хиллигом).

31. « Проблемы воспитания в советской школе. К итогам дискуссии », *Уч. газ.*, 106, 11.8.1940, с. 2.

32. В. Проценко, « Важнейшая задача школы », *Молодой большевик*, 18, 1940, сс. 27-33 (здесь — с. 28).

33. См. хронологический перечень статей на этой дискуссии в В. А. Хрусталева, А. С. Макаренко. *Библиогр. указатель*, под ред. Н. А. Сундукова, Москва, 1959, сс. 79-82.

34. Эта кандидатская диссертация « Педагогический опыт А. С. Макаренко и основные положения его педагогического учения », научными руководителями которой были профессора Е. Н. Медынский и В. Н. Колбановский, была защищена в Московском гос. пединституте им. Либкнехта ; см. *Сов. пед.*, 5-6, 1945, сс. 63-64.

35. См., например, состоящий из 10 пунктов перечень наказаний, применяемых директором школы — А. Винтман, « Еще раз о поощрениях и наказаниях », *Уч. газ.*, 99, 26.7.1940, с. 2. Но выдвигается также требование наказывать родителей ; так, учитель Н. Протасов внес « 5 конкретных предложений по поднятию дисциплины » : « 1. Дать право директору школы штрафовать родителей, оставляющих детей без надзора. 2. Внести оплату за обучение детей-второгодников, исключая сирот и многодетных. 3. Узаконить, как наказание, оставление детей после уроков за невыполнение домашних заданий. 4. Установить материальную ответственность родителей за порчу школьниками имущества школы. 5. Ввести систему поощрений (например, благодарность) с занесением в личное дело ». « Обзор писем », *Уч. газ.*, 94, 14.7.1940, с. 5.

36. Н. Зырянова, « Против маниловской педагогики и 'гуманизма' тов. Спаского », *Уч. газ.*, 84, 23.6.1940, с. 2.

37. Так, 13.4.1941 г. *Учительская газета* в своей передовой статье выступает против « бюрократических извращений в педагогической работе », которых допускают « некоторые учителя и руководители школ », пытаясь « представить дело так, что они используют приемы и методы А. С. Макаренко ». В этом же номере публикуется приказ наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина от 11.4.1941 г., из которого явствует, что « за последнее время во многих школах Москвы стали шире проводиться так называемые школьные ученические линейки и введена по классам система рапортов учащихся перед началом каждого урока. Линейки организуются в целях принятия рапортов от классных организаторов об успеваемости и поведении учащихся ». Также и в сообщении журнала *Советская педагогика* о Всесоюзной конференции по педагогическим наукам в апреле 1941 г. отмечается, что опыт Макаренко, не будучи « критически и серьезно изучен », « начали механически переносить в нормальные школы в условиях 1940/41 учебного года » (*Сов. пед.*, 7-8, 1941, с. 27).

38. Так, один учитель предлагает создать внешкольные бригады, руководимые советом бригадиров — П. Цуканов, « Коллектив учителей плюс коллектив учащихся », *Уч. газ.*, 83, 21.6.1940, с. 2. Другой учитель сообщает о введении некоторых описанных в *Педагогической поэме* элементов и приемов в свою внеклассную работу — Л. Лукьяненко, « О самостоятельности и инициативе учащихся », *Уч. газ.*, 89, 3.7.1940, с. 2.

39. И. Вугман, « Несколько конкретных предложений », *Уч. газ.*, 91, 7.7.1940, с. 2.

40. В. Спасский, « Против принуждения », *Уч. газ.*, 82, 19.6.1940, с. 2.

41. Сувойчик, тоже учитель, приводит в своей статье « Не принижать роль учителя » похожие аргументы : если бы утверждение Лялина, что « у нас есть лишь одна единственно правильная педагогическая теория », а именно теория А. С. Макаренко, соответствовало действительности, это означало бы, что массовая школа « стоит, очевидно, на ложном пути, и в ней должна быть создана иная организация воспитательного процесса ». Лялин, как пишет далее Сувойчик, « совершенно игнорирует теорию и прак-

тику десятков тысяч передовых советских педагогов, показывающих замечательные образцы обучения и воспитания детей ». (*Уч. газ.*, 96, 19.7.1940, с. 2).

42. П. Самодуров, « О мужественной любви и 'гуманном' сюсюканьи », *Уч. газ.*, 88, 2.7.1940, с. 2.

43. Н. Зырянова, *указ. соч.* Позднее — 31.7.1940 г. — Спасский выступил еще раз в печати : « Неудавшимся и недисциплинированным учителем должен помочь стать успешными и дисциплинированными системой индивидуального подхода, авторитетом коллектива и своим авторитетом, лишь в исключительных случаях применяя принуждение и наказание. »

44. Н. Катериночкин, « Больше чувства меры, тов. Лялин ! », *Уч. газ.*, 87, 29.6.1940, с. 2.

45. Кроме того, Катериночкин считает преувеличение Лялиным роли коллектива как средства воспитания « отрывкой антиленинской теории 'отмирания школы' », потому что этим принижается роль учителя. На Всесоюзной конференции по педагогическим наукам в апреле 1941 г. к этому аргументу прибегнет С. М. Ривес : « создание детского коллектива играет огромную роль в воспитательной работе, но это не основной решающий фактор, как старались показать некоторые 'ортодоксальные' толкователи педагогического опыта Макаренко ». Коллектив создается учителем, учитель является « основной и решающей фигурой в учебно-воспитательной работе ».

46. П. Шимбирев, « Ценное и ошибочное у Макаренко », *Уч. газ.*, 88, 2.7.1940, с. 2.

47. Л. Раскин, « О сознательной дисциплине и роли детского коллектива », *Уч. газ.*, 5.7.1940, с. 3.

48. С. Калабалин, « Ответ проф. Шимбиреву и наши предложения », *Уч. газ.*, 94, 14.7.1940, с. 5.

49. Кроме того, в этой статье Калабалин рассказывает о школе при своем детском доме, где в усовершенствованной форме существует система командиров, включающая в себя совет командиров, обладающий широкими полномочиями. При этом он вносит подробные предложения по укреплению дисциплины и повышению успеваемости ; ему даже приходит в голову идея о присвоении ребятам звания « школьника », причем первоклассников он предлагает поначалу именовать только « кандидатами на звание школьника ».

50. М. Мануильский, « Дискуссия о советской педагогике », *Правда*, 27.8.1940, Эта статья через три дня была перепечатана украинской учительской газетой *Радянська освіта*.

51. Распространенное среди советских приверженцев Макаренко мнение, — правда, неопубликованное — что Шимбирев « всегда был против Макаренко », возникло, вероятно, на основании этой статьи в *Правде*.

52. Большое значение, которое придавалось этой дискуссии, подтверждается также и тем, что Ленинградский областной дом учителя еще осенью 1940 г. издал составленную С. Г. Романовым библиографию, которая включает в себя напечатанные в *Правде* и *Учительской газете* статьи под названием « Проблемы воспитания в советской школе. Дискуссия об использовании педагогического наследия А. С. Макаренко ».

53. С. Негинский, « На совещании в Ленинграде », *Уч. газ.*, 86, 27.6.1940, с. 3.

54. С. Любошиц, « На совещании в Краснодаре », *Уч. газ.*, 93, 11.7.1940, с. 2.

55. *Уч. газ.*, 87, 29.6.1940, с. 4 ; см. также *Сов. пед.*, 8, 1940, сс. 126-127.

56. Е. Уралова, « Чем дорог для нас Макаренко ? », *Уч. газ.*, 96, 19.7.1940, с. 2.

57. « На коллегии Наркомпроса Белоруссии », *Уч. газ.*, 100, 28.7.1940, с. 2.

58. « Совещание актива Наркомпроса УССР », *Уч. газ.*, 108, 16.8.1940, с. 4 ; « Награда активу працівників Наркомату освіти УРСР », *Комуністична освіта*, 9, 1940, сс. 118-119.

59. См. *Уч. газ.*, 83, 21.6.1940, с. 2 ; 91, 7.7., с. 2 ; 114, 30.8., с. 1.

60. В 1939 г. в педагогической печати впервые встречается осторожное требование по-новому поставить вопрос о разработке « учения о личности человека как идеал

воспитания» в советском обществе : Н. А. Соколов, « К вопросу о теоретических задачах педагогики », *Сов. пед.*, 1939, 8-9, сс. 58-65 (здесь с. 64).

61. В. Е. Гмурман, « Макаренко Антон Семенович », в кн. *Педагогическая энциклопедия*, Москва, 1965, 2, сс. 705-709 (здесь – с. 706).

62. При этом констатировалось, что педагогические представления Макаренко все еще недостаточно известны ; это частично объясняется тем, что даже в больших библиотеках его книги представлены лишь в нескольких экземплярах. В связи с этим выдвигалось требование срочно переиздать массовым тиражом давно распроданные книги, а также опубликовать его педагогическое наследие. См. *Уч. газ.*, 83, 21.6.1940, с. 2 ; 98, 24.7., с. 2.

63. А. С. Макаренко, *Лекции для родителей*, под ред. Г. Макаренко и В. Колбановского, Москва, 1940.

64. В. Проценко, *указ соч.*, с. 28.

65. С. Любошиц, « Педагогический институт и школа », *Уч. газ.*, 132, 11.10.1940, с. 2.

66. Н. Четунова, « Сделать явью », *Лит. газ.*, 22.12.1940.

67. См. протокол заседания : ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед.хр. 63.

68. Протокол заседания « макаренковской комиссии » от 6.1.1941 г. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед.хр. 76. См. также М. Рошал, « Научная сессия, посвященная педагогическому наследству А. С. Макаренко », *Уч. газ.*, 154, 4.12.1940, с. 1 : « сотни учителей местных школ ».

69. 17.2.1941 г. Ермилов и Галина Стахивна Макаренко докладывают о результатах переговоров, которые они вели по поручению « комиссии » со школьным отделом ЦК партии по вопросу создания Музея А. С. Макаренко ; было принято решение не отказываться от первоначального плана организовать отдельный музей и не соглашаться на предложение школьного отдела экспонировать материалы в общем музее просвещения. Мотивировка : 1) Макаренко — « не только классик-педагог, но и крупный художник-писатель » ; 2) педагогический метод Макаренко « тесно связан был с производством, с трудовыми процессами, с жизнью промышленных предприятий, поэтому его педагогическо-воспитательная работа имеет свои особенности, что найдет свое отражение в многочисленных материалах-экспонатах А. С. Макаренко ». Ермилову и Колбановскому поручается составить проект письма в ЦК, « указав в нем, что музей А. С. Макаренко должен носить характер не только педагогический, но и литературный, и производственно-воспитательный, и по характеру своему он должен быть научно-педагогический и обзорный, но никак не мемориальный ». ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, хр. 76.

70. Н. Четунова, *указ. соч.*

71. Хранящиеся в макаренковском фонде ЦГАЛИ стенограммы двух других докладов Макаренко содержат « исправления » Галины Стахивны, сделанные в январе 1941 г. ; их публикация первоначально планировалась в макаренковском сборнике, подготовленном Харьковским институтом усовершенствования учителей, который так и не вышел в свет — очевидно, из-за того, что началась война. См. G. Hillig, « Wie man sich in Moskau ein Wunschbild von Makarenko machte. Zur Editionspraxis der sowjetischen Akademie der Pädagogischen Wissenschaften (APN) » (Как в Москве создали идеальный образ Макаренко. Об издательской практике советской Академии педагогических наук /АПН/), в кн. *Ergebnisse und Perspektiven Vergleichender Bildungsforschung*, München, 1984, сс. 191-287 (здесь — с. 200). Другой доклад, опубликованный в 1941 г. (*Бюллетень Научно-практ. института*, 2-3, сс. 6-31), содержит прямую отметку : « Редакция стенограммы : Г. С. Макаренко ». Все эти материалы свидетельствуют о значительном и однозначном вмешательстве Г. С. Макаренко.

Однако не только тексты, но также и фотографии были соответствующим образом « подготовлены к печати ». Так, ко второй годовщине смерти Макаренко в московских газетах впервые был напечатан сильно подретушированный портрет Макаренко, на котором он был изображен человеком средних лет, с густыми волосами, расчесанными на

пробор ; с тех пор этот портрет вновь и вновь перепечатывался во всем мире. Сразу после смерти Макаренко, напротив, — а в провинции, например, на Украине, еще и в 1941 г., — были опубликованы неподрезушенные фотографии последних лет его жизни — выразительные портреты (почти) лысого человека.

72. « Программа по истории педагогики для педагогических институтов », *Сов. пед.*, 11-12, 1940, сс. 64-70 (здесь — с. 70).

73. Е. Н. Медынский, « Новая программа по истории педагогики для педагогических институтов. (Методические заметки) », *Сов. пед.*, 11-12, 1940, сс. 57-63 (здесь — с. 58).

74. Б. П. Есипов, Н. К. Гончаров, *Педагогика*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва, 1941, с. 382.

75. П. Н. Шимбирев, *Педагогика*, Москва, 1940, с. 34. — В одном из писем в *Учительскую газету* обращается внимание на то, что автор этого учебника « из 381 страниц [...] отвел Макаренко... 18 строк » ; в остальных учебниках педагогики « и этого нет », *Уч. газ.*, 35, 21.3.1941, с. 2.

76. Н. Лялин, « В обзоре педагогической мысли », *Уч. газ.*, 35, 21.3.1941, с. 4.

77. « 3-я сессия учебно-методического совета при Наркомпросе РСФСР », *Сов. пед.*, 3, 1941, сс. 125-128. См. напротив *Уч. газ.*, 165, 29.12.1940, с. 1.

78. Здесь мы согласны с рассуждениями нашего пражского коллеги Й. Хашко-вца. Во всяком случае следует исходить из того, что лица, занимавшие в редакции *Советской педагогики* в конце 30-х — начале 40-х гг. ведущие позиции — Г. П. Вейсберг (ответственный редактор) и Н. К. Гончаров (его заместитель) — принадлежали к приверженцам Крупской, а, значит, и разделяли ее сдержанное или отрицательное отношение к Макаренко.

79. В. Колбановский, « Учитель жизни », *Комсомольская правда*, 76, 1.4.1941, с. 3.

80. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед.хр. 76.

81. « Антон Георгиевич Тер-Гевондян » (некролог), *Сов. пед.*, 1, 1952, сс. 127-128. Тер-Гевондян был — наряду с Резником, Медынским и Лялиным — автором одной из статей, предназначенных для напечатания в уже упомянутом (см. прим. 71) сборнике Харьковского городского института усовершенствования учителей ; *Радянська освіта*, 14.2.1941, с. 4 ; 30.3.1941, с. 1.

82. « Насущные проблемы советской педагогики », *Уч. газ.*, 27, 2.3.1941, сс. 3-4.

83. В. Н. Марков, « Теория и практика изучения детей », *Уч. газ.*, 34, 19.3.1941, с. 2.

84. « Задачи психологии и создание марксистской науки о детях », *Уч. газ.*, 35, 21.3.1941, с. 2.

85. В. Гмурман, « О проблематике научной работы », *Уч. газ.*, 46, 16.4.1941, с. 2.

86. П. Шимбирев, « О главным и второстепенном », *Уч. газ.*, 37, 26.3.1941, с. 2.

87. С. Рубинштейн, « О задачах советской психологии », *Уч. газ.*, 45, 13.4.1941, с. 2.

88. В. В. Комаровский, « А. С. Макаренко — выдающий советский педагог » ; С. М. Ривес, « Методы А. С. Макаренко по воспитанию сознательной дисциплины » ; В. Н. Марков, « Изучай того, кого воспитываешь », *Сов. пед.*, 3, 1941, сс. 3-37.

89. Е. Медынский, « Педагогические взгляды А. С. Макаренко » ; Г. Макаренко, « Жизнь, полная труда и исканий », *Уч. газ.*, 39, 30.3.1941, с. 3. Подбор материалов для этой страницы *Учительской газеты* был поручен Галине Стахивне Макаренко ; см. протокол заседания « комиссии » от 20.12. 1940 г. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед.хр. 76.

90. « Вечера памяти А. С. Макаренко », *Уч. газ.*, 41, 4.4.1941, с. 4. На другом вечере-концерте памяти А. С. Макаренко (4 апреля 1941 г. в московском концертном зале им. Чайковского) с докладами выступили В. Финк, Н. Лялин и В. Ермилов. См. « Вечер памяти А. С. Макаренко », *Лит. газ.*, 14, 6.4.1941, с. 6.

91. С. М. Ривес, « Педагогическая система А. С. Макаренко и ее значение в развитии советской педагогики », в *Тезисы докладов на конференции по педагогическим наукам*, Москва, 1941, сс. 12-15 (здесь – с. 15) ; С. Ривес, « О педагогическом наследстве А. С. Макаренко (Очерки по теории педагогики) », *Уч. газ.*, 60, 18.5.1941, с. 3 ; С. М. Ривес, « К вопросу о педагогическом наследстве А. С. Макаренко », *Сов. пед.*, 7-8, 1941, сс. 53-60 ; см. также *Уч. газ.*, 51, 27.4.1941, с. 1 ; *Сов. пед.*, 7-8, 1941, сс. 21-32.
92. В. Ермилов, « Поэзия нашей жизни. (Творчество А. С. Макаренко) », *Красная новь*, 4, 1941, сс. 179-196 (здесь – с. 179).
93. O. Anweiler, « A. S. Makarenko und die Pädagogik seiner Zeit » (А. С. Макаренко и педагогика его времени), в O. Anweiler, *Die Sowjetpädagogik in der Welt von heute*, Heidelberg, 1968, сс. 33-66 (здесь – с. 33).
94. И. А. Каиров, *О дружбе детей*, Москва, 1941 ; И. А. Печерникова, *О мерах поощрения и взыскания в семье*, под ред. Б. Л. Бараша, Москва, 1941 ; *Воспитание детей в семье*, под ред. М. В. Сарычевой, Москва, 1941.
95. А. С. Макаренко, *Беседы с родителями*, Сталинград, 1941.
96. *Учебно-воспитательная работа в детских домах*, 2-3, 1941.
97. В. М. Белоус, *Вопросы психологии воспитания в произведениях А. С. Макаренко*, Симферополь, 1941.
98. Александр Фадеев. *Материалы и исследования*, Москва, 1977, сс. 430, 577.
99. Ф. И. Науменко, « Основные даты из жизни и деятельности Макаренко Галины Стахиевны » (машинопись), Архив лаборатории А. С. Макаренко в Марбурге. Сначала лаборатория именовалась « научным исследовательским кабинетом » ; см. А. Тер-Гевондян, « Об организации и содержании научной работы по изучению педагогического наследства А. С. Макаренко », *Сов. пед.*, 1, 1944, сс. 47-49 (здесь – с. 48) ; см. также *Уч. газ.*, 14, 29.3.1944, с. 1 : « научно-исследовательская лаборатория ».
100. А. Тер-Гевондян, *указ. соч.*, сс. 48-49.
101. То, что эта должность была возложена на Г. С. Макаренко, следует рассматривать и как материальную поддержку ей. См. ходатайство « комиссии » перед президиумом ССП о предоставлении ей « персональной пожизненной пенсии » в размере 400-500 рублей в месяц. Мотивировка : « Галина Стахиевна безвозмездна (*sic* !), но несет всю работу в Комиссии и не имеет поэтому возможности что-либо зарабатывать в дополнение к пенсии ». Протокол заседания от 17.2.1941 г., ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 76.
102. « План научно-исследовательских работ Академии педагогических наук РСФСР на 1945 год », *Сов. пед.*, 4, 1945, сс. 45-55 ; 5-6, 1945, сс. 53-61 (здесь – 4, сс. 47-48).
103. Е. Н. Медынский, *А. С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система*, Москва, 1944. См. также критическую рецензию проф. Г. Е. Жураковского, *Сов. пед.*, 5-6, 1945, сс. 49-50.
104. Это издание *Педагогической поэмы* 1944 г. отличается от предыдущих тем, что в нем изъяты все места, которые вследствие своей антирелигиозной или антинациональной, а также антианглийской и антиамериканской направленности во время Великой отечественной войны казались несоответствующими духу времени ; см. G. Hillig, « A. S. Makarenko, *Pedagogičeskaja poema*. Teil 1 : Eine textologische Untersuchung » (А. С. Макаренко, *Педагогическая поэма*. Часть 1-ая : текстологическое исследование) в сб. *Studia slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, hrsg. von H.-B. Harder und B. E. Scholz, Giessen, 1981, сс. 267-315 (здесь – сс. 298-299).
105. См. стенограмму этого заседания : Государственная библиотека СССР им. Ленина, Отдел рукописей, ф. 447, ш.к. 13, ед.хр. 3.
106. G. Hillig, « Die Verbreitung der Werke A. S. Makarenkos ausserhalb der Sowjetunion » (Распространение произведений А. С. Макаренко за рубежом), *Pädagogische Rundschau*, 11, 1980, сс. 745-753 (здесь – с. 748).

107. Б. П. Есипов, Н. К. Гончаров, *Педагогика. Учебник для педагогических училищ*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 1946, сс. 491-518 ; И. Т. Огородников, П. Н. Шимбирев, *Педагогика*, Москва, 1946, сс. 37-43.

108. См. В. А. Хрусталева, *указ. соч* ; Надежда Константиновна Крупская. *Библиография трудов и литературы о жизни и деятельности*, Москва, 1969.

109. Ф. Вигдорова, « Драгоценное наследство », *Лит. газ.*, 122, 19.12.1950 ; 123, 21.12.1950.

110. См. хронологический перечень статей на этой дискуссии в В. А. Хрусталева, *указ. соч.*, сс. 88-89.

111. « О педагогическом наследии А. С. Макаренко », *Лит. газ.*, 95, 11.8.1951, с. 2.

112. Во время работы над рукописью этой статьи появился в *Советской педагогике* (7, 1985, сс. 102-107) первый краткий очерк истории восприятия педагогических взглядов Макаренко в СССР. Автор – ведущий советский макаренковед А. А. Фролов. Очевидно эта публикация является вариантом автореферата его докторской диссертации, которая уже была защищена им в АПН СССР в 1987 г. В « творческой теоретической разработке и практическом использовании макаренковского наследия » Фролов выделяет четыре этапа : 1939-1944 г.г., 1944-1958 г.г., 1959-1974 г.г. и с 1975 г. до наших дней. Что касается интересующего нас первого этапа, то здесь Фролов рисует довольно упрощенную картину широкого и почти беспроblemного усвоения идей Макаренко советской педагогикой. Так ясно, как это звучит в следующей цитате, влияние наследия Макаренко проявилось – как показала наша работа – лишь после дискуссии в *Учительской газете* летом 1940 г. : « В предвоенные годы наследие А. С. Макаренко оказывало определенное влияние на решение актуальных проблем педагогической теории и практики своей направленностью на формирование долга, чести и мужества. Практическое применение его в школах, сеть которых значительно расширилась в годы Великой Отечественной войны, было особенно заметно. »